

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!
Юбер

ТУМАННЫЕ ОСТРОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 4. Туманные острова**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 4. Туманные острова / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-853-2

В четвертый том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова вошли его путевые заметки и репортажи, в том числе из уникальной экспедиции в Антарктиду, которые он назвал «Белые сны». До этого так много и подробно о работе наших полярников не писал ни один советский журналист. Вернувшись, Василий Михайлович открывает в «Комсомолке» первую свою персональную рубрику о природе «Времена года» – будущее знаменитое «Окно в природу».

ББК 94

ISBN 978-5-87107-853-2

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	8
1963	10
Праздник огурца	10
Берег снежной земли	13
Восьмерка	16
1964	19
Елка и пингвины	21
Привет из Антарктики	25
До встречи, друзья!	27
Домой!	28
Здравствуй, Москва!	29
Близкая Антарктида	31
У южных широт	38
На ледяном куполе	41
Зачарованные острова	45
Белые сны	47
Сидней-город	47
Камень из Антарктиды	52
В государстве одни «императоры»...	59
Шестеро за столом	66
Судьба упряжки	73
«Нептун» в гостях у «Комсомолки»	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 4. Туманные острова. 1963–1965

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«У дружбы великое множество путей».
В. Песков

Предисловие

Все менялось в «Комсомолке», только Василий Михайлович Песков не менялся. Он все годы работал одинаково, не признавая не то что компьютеры, но и пишущие машинки. Обычно он приходил с рукописью (буквально – с листами материала, написанными от руки) в стенографическое бюро в редакции и диктовал свои заметки. А стенографистки либо печатали их на машинке, а позже – загоняли в компьютер.

Какое-то время он писал авторучкой, но потом перешел на карандаш.

Рассказывал, что, будучи в музее Михаила Пришвина, великого нашего описателя природы, попросил выдвинуть ящик рабочего стола писателя. А там – карандаши, списанные до того, что удержат трудно даже и кончиками пальцев.

И свои записи в поездках он вел только карандашами.

Причуда?

Как сказать. Во-первых, карандаши не нуждаются в «подзарядке» чернилами или чем-то еще. Во-вторых, записи не расплывутся под дождем или снегом, даже если бумага промокнет насквозь.

Он просто не хотел терять ни одной своей строки, ни одной мысли.

Друзья его по путешествиям вспоминали о том, что он был страшно трудоспособен. Даже в самых тяжелых условиях, на самых трудных переходах по Африке, когда весь день тебя добивает жара, или в многочасовых походах по тайге, после трясучих вертолетных перелетов, Василий Михайлович после ужина, когда все отправлялись спать, шел еще поработать.

Карандаши Василия Михайловича.

Открывал свои записные книжки и почти до утра тщательно записывал все, что зацепило его за день.

Он знал, что иначе работать потом будет невозможно. Когда садишься перед чистым листом бумаги, каждая позабытая мелочь может свести твой труд на нет.

Интересно, что у него никогда не было телевизора. Однажды ему редакция подарила это чудо двадцатого века, но он отдал телик родным. «Не хочу тратить время на это дело... Зачем? И так не хватает дня», – сказал он однажды.

А вот газеты прочитывал целиком и очень внимательно. С завидной крестьянской основательностью. Вот это умение – быть основательным – в журналистике сильно потеряно.

Помню, что каждую заметку в «Комсомолке» обязательно читало бюро проверки. Да и сейчас читает. Это не надо путать с цензурой – просто в бюро проверки были специально обученные люди, которые быстро (чтобы успеть к выпуску номера) перепроверяли за журналистами по энциклопедиям и справочникам даты исторических событий, правильность написания названий организаций и прочие такие вещи. Чтобы не было ошибок в общеизвестном.

Так вот, за Песковым проверять было бесполезно: все точно, как в аптеке.

Именно поэтому все, что связано у него с природой, повадками зверюшек, можно хоть в учебники включать. И то же самое – с рассказами о людях. Не было случая, чтобы он что-то переврал или придумал про них.

Это великое умение – видеть, понимать и излагать точно.

Иногда я думаю, что Василий Михайлович писал все от руки именно потому, что компьютер все-таки не соразмерен человеку. Мысль привыкла к движению пера или карандаша. Они идут на равных скоростях. И тогда исчезает та самая недодуманность и легковесность, которой так много сегодня, когда мы живем и думаем в стремительном формате гаджетов и социальных сетей.

Андрей Дятлов,

заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1963

Праздник огурца

Спросите, что за праздник? Действительно, на Большой земле такого праздника нет. Тут же праздник сам собой получился, а название дали ему уже за столом – праздник огурца. На самом видном месте на самой большой тарелке лежал огурец. К нему нагибались, нюхали – свежий, пахучий, зеленый, в светлых полосках, с колючими пупырышками. На баяне сыграли шутивную застольную песню... Не много ли чести для огурца? Судите сами. Ничего в этом краю нет, кроме льда. Ничто не растет. Пингвины – старожилы острова Хасуэлла – не знают зеленого цвета. А люди без этого цвета скучают.

Кажется, третья экспедиция привезла в Антарктиду пять мешков подмосковной земли. Десяток пригоршней принес в свою комнату Николай Тюков. Поставил ящик возле окошка, пристроил лампу, поливая, опылял. До самого потолка на тонких палочках поднялись гибкие зеленые плети. Выросли на плетях три огурца. Говорят, когда они появились, местком Мирного проводил экскурсию в Колину комнату. И вот наконец праздник сбора урожая. Один огурец попутным самолетом отослали на станцию «Восток». Другой решили было послать на медпункт, но больных в Мирном не оказалось – огурец пока ждет своей очереди. На третий огурец хозяин «приусадебного участка» собрал сегодня друзей. Торжественно огурец был разрезан на одиннадцать равных частей. Подняли одиннадцать кружек...

Об одиннадцати друзьях я и хочу рассказать сегодня. В Мирном все очень любят бывать в домике этих одиннадцати. Не только потому, что он, единственный, не занесен снегом, но и потому, что отсюда ближе к земле, по которой к концу зимовки люди очень скучают. Одиннадцать друзей – радисты. Я познакомился с ними, когда самолеты по пути в Антарктиду подлетели к Рангуну. Мы не могли связаться с Москвой, зато вдруг услышали очень далекий Мирный. Стали посылать в Москву телеграммы кружным путем – через Мирный. Мы были бесконечно благодарны людям, ловившим ночью голос нашего самолета.

Николай Тюков. Самый молодой из всех и самый старший по должности. Он в Мирном начальник отряда связи. Внимательный, деловой, справедливый. Уважаемый человек. Баянист. В течение года был внештатным корреспондентом нашей газеты.

Калинин Сергей Федорович. Инженер. Высок. Молчалив. Деловит. Во время аврала, когда готовили полосу для наших самолетов, на солнце сжег губы и все время ходил с марлевой повязкой на лице. Вчера ходил по домикам с каким-то хитрым прибором – проверял, как работают автоматы, которые, если случится пожар, моментально поднимут тревогу.

Николай Ильич Мосалов, невысокий ростом. Уже немолод, однако заядлый футболист. Третий раз в Антарктиде. Пять лет назад, когда «Обь» уходила на Родину, в Чили играл с какой-то местной командой. Признается: продули. Сам понимаешь – Чили! В недавнем матче в Мирном играл за Москву. Играл правым крайним, первый тайм – в подшитых валенках, второй – в лыжных ботинках. Лучший пеленгаторщик Мирного.

Борис Антонович Косинов. Отличный радист. Здоровяк. Каждый вечер, как инспектор, обходит Мирный – такое правило: каждый день моцион. Вернется домой, никто не поверит, что был в Антарктиде, – загорел, изрядно прибавил в весе.

Сергей Иванович Перевезенцев. Великий труженик – стучит ключом день и ночь. Единственный в поселке, у которого хватило духу не забросить в угол самоучитель английского языка. Теперь слывет лихим переводчиком. Как только разговор с австралийцами, с американской станцией – сразу зовут: «Сергей Иванович...» Всех иностранных радистов обучил русскому слову «привет». Играет на мандолине. Репертуар скуден. Именно поэтому

в доме давно уже перестали любить песню «Подмосковные вечера», которую Сергей Иванович исполняет весьма старательно. Имеет нагрузку – комендант. Всю зимовку безропотно несет этот крест. Следит, чтобы койки были заправлены, чтобы не бросали окурков, вовремя носили снег для воды.

Иван Яковлевич Гнедо. Самый старший не только по возрасту, но и по жизни во льдах. В Арктике он работал со времен Челюскина, теперь Антарктида. Шутит: «Голова побелела от снега». В доме нет энциклопедии. Она и не нужна. Надо просто открыть дверь и спросить Ивана Яковлевича, в каком году случилась битва при Ватерлоо или как надо варить суп из грибов. Все знает. Если в чем усомнитесь – спорить не надо, лучше уже сразу согласиться. Жена у Ивана Яковлевича – телеграфистка радиостанции. Вчера по радио состоялось семейное объяснение. Он в Мирном, она в Москве – представляете расстоянье...

Георгий Михайлович Наумов. Радиотехник. Тоже зимовщик Арктики. Сам привык ездить и семью приучил. Решили было осесть в Ленинграде. Но вот третьего дня пришла от жены телеграмма: «Получили квартиру. Квартира хорошая. Три комнаты. А мне почему-то грустно. Вернешься, поедим-ка снова в Амдерму или еще куда. Аня». Ходит счастливый от такой телеграммы. Амдерма – это Арктика, это где белые медведи... Вот и пойми людей.

Борис Александрович Григорьев. Хороший радист, но, кроме того, он заядлый фотограф и местный изобретатель. Замучил меня расспросами о проявителях и закрепителях, о разрешающей способности объективов. Позавчера водил меня к пингвинам записывать голоса. Микрофон подносили к самому клюву важного императорского пингвина. Пингвин разозлился и клюнул ненавистное железо. Прослушали запись. Получился не то крик лягушек, не то скрип десятка телег. Впрочем, пингины именно так и кричат.

Борис Жомов. Здоровый. Красивый. Месяц назад ушел с поездом в глубь Антарктиды. Общий любимец. За столом ему был отрезан «его» кружок огурца. В коридоре лежит самодельная штанга из шестеренок – Борис по утрам забавлялся. Сейчас Борис с пятнадцатью друзьями движется на станцию «Восток». Пять дней назад я приземлился около поезда. Борис шутил: «Хотите познакомлю с Марией Ивановной?» Мария Ивановна – это кувалда. В походе часто рвутся гусеницы. Кувалдой загоняют новые пальцы сцепления. Пять ударов – кувалда валится из рук от большой высоты и мороза. С поездом несколько раз в сутки держат связь. Сегодня Борис сообщил: «Прошли 1000 километров. Высота – 3540 метров. Мороз минус 42. Все хорошо».

И еще двое. Они живут за южным Полярным кругом. Но это не так далеко. Полярный круг проходит в трехстах метрах от главного дома радистов. А эти двое живут в километре от дома на станции.

Петр Васильевич Андреев. Серьезный человек. Серьезный радист. Но, как мальчишка, готов всю ночь просидеть у ключа. Заводит знакомство с радиолюбителями Москвы, Америки, Японии, Чехословакии, Франции.

Саша Дряхлов. Молодой и веселый. Член партбюро в Мирном. Отвечает за воспитательную работу. Есть у него слабость: смертельно любит собак. Пес Волосан вместе с ним приходит к столовой. Смотрит кино. Озорной Сашка обучил Волосана всяким веселым шуткам. Умеет считать: покажешь палец – гавкнет, два пальца – два раза гавкнет.

– Волосан, покажи, как Д. напился.

Волосан идет в снег и валяется. Люди от хохота тоже начинают валяться, потому что Д. – человек абсолютно непьющий...

А теперь шутки в сторону. Обед окончен. Съеден огурец и все, что за ним следовало. Поглядим теперь, как радисты работают. Радистов ценят и искренне уважают. Радисты раньше всех в Мирном встают. Под снегом в репродукторах мы слышим: «Говорит Мирный! Доброе утро». Потом объявляют, какая сегодня погода. Потом сообщают, кому пришли телеграмму. Радисты держат связь с Москвой и Ленинградом, с идущими в Антарктиду судами и

с кораблями китобойных флотилий. Много раз в день идет связь с глубинными советскими станциями – «Востоком», «Молодежной», «Новолазаревской». Идет обмен информацией со многими зарубежными антарктическими станциями. Китобоям ежедневно передается фотокопия карты погоды. Из Австралии принимаются карты погоды для Мирного. Радисты следят за поездом, идущим в глубь Антарктиды, за улетающими самолетами.

Сегодня на станцию «Молодежная» после пурги ушел первый самолет. Он повез шесть летчиков и повара, прибывших из Москвы. Радисты проводили самолет до австралийской станции Моусон. Только что с самолетом вновь установлена связь. Он прошел уже тысячу пятьсот километров и скоро прибудет на «Молодежную».

Радисты день и ночь слушают небо. В этом году один только раз в Антарктиде люди послали сигнал бедствия «SOS». Радисты услышали вовремя этот сигнал. Каждый день приносит в домики тысячи теплых слов от близких, родных и совсем незнакомых людей далекой нашей земли. Только что Коля Тюков и мне положил целую пачку радиограмм: из Ярославля, Ленинграда, Москвы и Воронежа. Разрешите всем сразу ответить: спасибо, спасибо, дорогие друзья.

А теперь пришло время получения деловых радиограмм. Утром я пошутил: «А что, если взять по радио интервью?» – «Пожалуйста», – сказали радисты.

Только что говорил с «Обью». Она идет вдоль западных берегов Африки. На корабле – большой груз для зимовщиков. Радист сообщает: «Ход хороший. Тепло. В океане легкая зыбь. Привет читателям «Комсомолки». Сейчас у ключа сидит Борис Антонович Косинов. Пытаемся во второй раз связаться с «Эстонией». На ней в Антарктиду идут сто двадцать шесть зимовщиков – наших ребят и шесть иностранных ученых. Среди наших – сын и отец Цветковы. Отец будет зимовать на «Новолазаревской», сын – на «Молодежной».

И еще одно интервью. Мне отвечает радист австралийской станции Моусон Аллан Мор: «По порядку на ваши вопросы. Погода облачная. Температура плюс два. Нас зимовало двадцать шесть человек. Один недавно неожиданно умер. Самая важная новость сегодня – ваш самолет. Наш уже приземлился. В Моусоне заправка горючим. Мы были очень взволнованы встречей. Настроение зимовщиков держалось на высоте весь год. Сейчас поднимается выше, потому что скоро домой. Нашего начальника экспедиции зовут Раймонд Макмагон. Ему 27 лет. Сейчас он руководит походом на Шельфовый ледник. В поход ушли на тракторах и собачьих упряжках. Готовимся к Новому году. Проводим уборку. Чистим, красим. Можно ли задать вопрос? Очень интересуемся: когда «Обь» зайдет к нам в Моусон? Аллан Мор».

Вахта радистов продолжается. Сейчас у приемных аппаратов и телетайпов трое людей, остальные чистили снег. Сейчас пришли, гогочут в соседней комнате, пьют чай. Николай Дмитриевич Тюков переставил баян от стенки, взобрался на стул, возится со своим огородом. Ключком ваты опыляет цветы. К новомуднему празднику обещает большой урожай...

Антарктида, Мирный. 22 декабря 1963 г.

Берег снежной земли

Опять самолет. Опять перегрузка. Опять при посадке долго решали, брать журналиста или не брать. Взяли. В самолете уступили самое лучшее место – могу, положив на колени листы, писать. Изрядно трясет, но мои заботы ничто рядом с заботами радиста Коли Соловьева. Он держит связь и ухитряется варить щи на газовой плитке. Кастрюли и чайник привинчены к потолку тонкими проволоками и потому супу не удастся выпрыгнуть из кастрюли. Упоительный запах вареного лука уже дошел до кабины пилота. Он поручил штурвал второму пилоту и пробует ложкой варево. Гремят чашками и десять других пассажиров: радист уже постелил на столик вместо скатерти старую карту Антарктики.

Идет второй час полета. На этот раз летим по краю Антарктиды к западу от Мирного, Антарктида круто обрывается в море глыбами льда. Летим над самым обрывом. Слева – снега, справа – прибрежный лед с синими трещинами. Возле трещин тюлени. Никакого внимания на самолет. Дальше за льдом густая синева воды. Она все ближе подбирается к берегу.

В Антарктиде сейчас лето. Солнце. Стаи прилетевших с Севера птиц. Пингвины сели на яйца. Тюлени кормят детенышей. Люди спешат. Спешат, пока тепло, светло и редки метели.

В четвертый раз на этой неделе самолет поднимается в Мирном и берет курс на станцию «Молодежная». Сегодня в самолете – пила, молотки, мешки с одеждой, переносный двигатель, мандолина, пес по кличке Механик и десять людей. Люди будут строить «Молодежную» и жить в «Молодежной». В прошлом году на антарктической карте поставил точку – в двух тысячах километров от Мирного выросло несколько домиков. Восемь человек провели в них зиму – присматривались к месту.

И чем сильнее в Мирном бушевала пурга, чем громче трещали крыши под толщей снега, тем чаще шли запросы на «Молодежную»: «Подходящее ли место для большой станции?»

А потом пошли споры: быть Мирному или не быть? Мирный построен семь лет назад. Но те, кто его строил, сегодня не узнали бы Мирного. Поселка не видно. Есть только снег. Огромный толщины снежный пласт поглотил поселок. В домики все труднее входить, в домиках душно, нарушаются коммуникации. Пробовали чистить поселок – пурга за сутки сводила на нет месячную работу тракторов и бульдозеров. Стали искать место для новой станции. Выбрали «Молодежную».

А Мирный? Неужели бросать поселок? Ученые категорически сказали: «Нет, слишком важны наблюдения, сделанные в Мирном. Они привязаны к географической точке. Их прерывать нельзя!» Решили так: Мирный останется. Надо попытаться всеми средствами спасти домики от обвалов, надо продолжать наблюдения. Но и новая база нужна обязательно.

И вот в Мирном чернят снег, роют его бульдозерами. И в то же время на «Молодежную» устремились строители.

Только что прошли австралийскую станцию «Дейвич». С большой высоты видели с десятков оранжевых домиков. Казалось, кто-то из летчиков уронил на край бурой земли несколько кубиков для игры в кости. Прямо от поселка начинается поле, покрытое крошевом плоских кипенно-белых льдин. Тут, несомненно, теплее, чем в Мирном. У Мирного по льду еще можно ездить на тракторе. Тут же, среди льдин, похожих сверху на обрезки бумаги, плавают огромные айсберги. Летчик Александр Сергеевич Поляков только что позвал в кабину:

– Смотри, во время второй экспедиции на такие вот айсберги мы в первый раз рискнули посадить самолеты...

Все время идем над побережьем. Обрывы льда и море. Кое-где сквозь лед пиками прорываются горы. Рассматриваем карту: что у нас позади? Позади гора – потухший вулкан

Таусс. Позади Малые Васюки. Васюки? «Васюки, – улыбаются летчики». В 1957 году тут, на пустынном льду, «сделали прибрежный временный аэродром. Работали чуть не падая от усталости. Кто-то для поддержания духа вспомнил «Двенадцать стульев» и «Золотого теленка». Хохотали. В честь шахматных Васюков аэродром назвали Малыми Васюками. Картографы, тоже люди веселые, увековечили Васюки на картах.

А сейчас пролетаем прибрежные скалы. Древние, как почерневшие замки, они хранят ледяные тайны земли. Одна из скал называется Мэри – монолит. Наверное, в честь невесты или жены назвал какой-нибудь капитан...

Начинаем понемногу снижаться. Через двадцать минут австралийская станция Моусон. Будум садиться. Наш самолет на колесах не может лететь в «Молодежную», для него нет полосы. В Моусоне будем ждать встречного самолета Виктора Кубышкина. Его машина на лыжах. Она и повезет дальше. А наш самолет вернется в Мирный, чтобы завтра тем же порядком вести новую группу строителей.

Три часа сидели в Моусоне. Никакого аэродрома тут нет. Есть снежное море в голубых трещинах. Солнце и ветер залили его шершавой слепящей глазурью. Четыре десятка бочек, вездеход на резиновых гусеницах, черные пики гор и двое бегущих навстречу нашему самолету бородатых людей с кинокамерами. Ветер валит их с ног. Знакомимся. Австралийцы Мак Грат и Джофрс Мерроу, совсем молодые парни, бороды для шику отпущены. Один – механик, другой синоптик. Очень рады встрече. Спешат еще и еще раз снять – мельбурнское телевидение просило их привезти фильм об Антарктиде. Мы тоже снимаем. Потом пьем кофе у нас в самолете, говорим о Москве, о Сиднее, меняемся шапками и значками. Расстаемся друзьями. Обещаем по пути на Москву взять от них посылки друзьям в Мельбурн. Наверное, это будут традиционные сувениры, какие и мы заготовить успели: пингвиные яйца, источенный арктический камень.

Эти строчки я пишу уже на борту у Кубышкина. Самолет сильно трясет. Ребят укачало. Кое-кто спит. Пес Механик свернулся калачиком под ногами радиста. Пятеро ребят на ящиках режутся в «дурака». Давайте познакомимся с ними. Вот крайний, в серой мохнатой шапке – Леонтьев Евгений, гидролог. Минувшей ночью он дежурил на кухне, сегодня проспал, опоздал к самолету. Летчики ругались, но ждали – очень нужный сейчас на станции человек. Признался мне: «Мечтаю написать книгу об Антарктиде».

Рядом с Евгением – высокий сварщик Дмитрий Степанов. Я не успел узнать его близко. Знаю только, что он решил отпустить бороду и не бриться до самого дома. Начало бороды уже есть.

Электрик Леонид Емельянов. Сидит, пишет письмо. Мы с Леной летели от самой Москвы. Пишет каждый день по письму. Отправить собирается с кораблями, которые идут сейчас в Антарктиду. «Невесте пишешь?» – шутят ребята. Леня улыбается и краснеет...

Вот прямо против меня бысроглазый порывистый Саша Дронин. Он будет строителем на «Молодежной». Покровитель Механика, успел обучить собачонку прыжкам через руку, гавкать, когда прикажет. Это стоило Сашке двух кило сахара.

И, наконец, самый интересный из пятерых – Иван Гаврилович Карпушов. У него уже внук ходит в девятый класс, но выглядит он молодцом. С виду неповоротлив. Куртка и сапоги достались ему самых малых размеров. Когда снаряжалась экспедиция, никак не могли быстро добыть какие-то нужные трансформаторы, электросверла, стекло, еще какие-то мелочи. Иван Гаврилович взялся и добыл. Но он не снабженец. Он бетонщик. И он же арматурщик, электрик, хороший повар, связист, может ремонтировать телевизоры, крутить кинофильмы. Сейчас он всех обыграл в «дурака» и, надвинув на брови берет, листает замасленную инструкцию «Самолет Ли-2. Мандолина в самолете, между прочим, тоже его...

Летим над Землей Эндерби. Земли не видно – сверкающий, полированный снег. Из снега, как шахтные терриконы, торчат горы Скотта. Но мне не придется любоваться снеж-

ным пейзажем. Подсел радист самолета Валя Медведев, положил тетрадку стихов: «Писал в Арктике. И тут кое-что написал...».

Тут в Антарктиде, еще больше начинаешь любить человека. Снег, пустота, холодище. А человек живет. Строит, наблюдает ночами звезды, слушает какие-то шумы галактик, меряет лед, пишет стихи. У радиста целая тетрадка стихов. А нос у радиста, кажется, обморожен. Это, наверное, в последний полет на «Востоке».

Последние несколько строчек дописываю уже на «Молодежной». Очень тепло. Ребята ходят без шапок, в одних свитерах. Зеленые и ярко-красные домики и все те же голубые айсберги. Станция живет по московскому времени. Сейчас отдам телеграмму радисту Яше Баранову и буду помогать ставить палатку. Людей в «Молодежной» собралось много, домиков всем не хватило.

Станция «Молодежная», Антарктида. 25 декабря 1963 г.

Восьмерка

После снежных катакомб Мирного станция «Молодежная» показалась курортом. Веселые, разноцветные кубики домов и главное – земля. Глаза, истосковавшиеся по земле, наконец видят ее. Под ногами гремят серые и красные камни. Камни горячие. На одном из них жесткие, как проволока, кустики мха. Это все, что может расти в Антарктиде. Каменные острова среди снега тут называют оазисами – камни собирают тепло. Рядом с «оазисом» деревянная будка метеоролога. Из-за окошка видно, как над каменным островом, окруженным снегами, дрожат, переливаются струи теплого воздуха. Точь-в-точь как степь в жаркий июльский день. В другое окно мне видны восемь парней. Сидят на камнях по пояс голые – загорают. Один из парней даже в трусах. Новички, прилетевшие самолетом из Мирного, на такое пока не решаются – нет закалки. Неделю назад на станции «Восток» я видел людей, закутанных в меховую одежду, до самых глаз натянуты свитера: иначе мороз обожжет легкие. Летчики кричали:

– Скорей, скорей! Застынут моторы...

Сейчас те же летчики в расстегнутых куртках просят у повара квасу – жарко. Но вы ошибаетесь, если в самом деле примете за «курорт» этот кусок земли, не занесенный снегами...

9 апреля 1963 года. Прощальный день. Дизель-электроход «Обь» разгружается у ледяного барьера. Снежный ветер угонял судно в море, как нитки, рвались якорные тросы. «Обь» держалась носом по ветру. Спешно выгружались на берег ящики, бочки, тюки. Под вечер «Обь» с тревожными гудками ушла курсом на теплый север. На берегу остались восемь человек. Они хватались руками за камни, чтобы устоять на ураганном ветру. Еще один, последний гудок. И все. Люди остались одни. Ни зверя, ни птицы вокруг. За спиной тысячи километров пустынного льда. Людям остались два домика, дизель, дающий тепло и свет, два трактора, гора продуктов, шестьдесят фильмов, тысяча пятьсот книг, радиостанция, приборы и тридцать шариков от пинг-понга.

Люди остались в тесном кругу. У каждого свой характер, свои слабости и привычки. Отныне жизнь каждого была на виду у остальных. Вся до мелочей. Зимовщики знают немало историй, когда случайный поступок, невниманье к другу, замкнутость и себялюбие привели к трагедии. Нигде человек не живет так близко к другому, как на зимовке. Тут находят друзей, тут, случается, расстаются врагами. Восемь человек с «Молодежной» стали друзьями. На песчаном камне около берега кто-то из них гвоздем нацарапал восемь фамилий. Вот они: Павел Морозов, Алексей Кононов, Анатолий Коляденко, Александр Морозов, Алексей Зотов, Олег Брок, Юрий Аистов, Алексей Емельянов – гидролог, врач, повар, метеоролог, радист, два механика, плотник. Они прожили вместе двести пятьдесят семь дней. Это были нелегкие дни. И вот завтра они покидают станцию. Самолеты и пароходы повезут их в Ленинград и в Москву. Эти парни не сделали открытий, которые войдут в золотые книги навеки. Они собирали крупинцы знаний о клочке земли среди льдов. Они обживали место, чтобы знать, как дуют ветры, сколько снега сюда приносят, каковы морозы на этом берегу Антарктиды и много ли тепла надо ждать от солнца.

Два раза в день Павел Морозов шел к океану – до него семьсот метров. Сейчас под солнцем, в тишине, одно удовольствие пройти к фанерной будке на берегу. А были дни и целые месяцы непрерывной морозной пурги. Ветер валил с ног. К будке приходилось идти, хватаясь за валуны, а то и вовсе ползком. Два раза в день, отогревая руки у газовой плитки, Павел снимал показания приборов, стоявших у ледяного колодца, на дне которого плескалась вода Индийского океана... Однажды от спички взорвался газ, вытекший из бал-

лона. Сожгло кожу лица. Теперь гидролога сразу узнаешь среди зимовщиков: молодая кожа сильно загорела на солнце – настоящий курортник.

Пять раз в сутки, в любую погоду, ходил к своим приборам метеоролог Алексей Конов. Будка, в которой я сейчас пишу, в ссадинах от лопаты. Прежде чем взглянуть на приборы, надо было их откопать. Меньше всех работы оказалось у доктора – на станции никто не болел. Доктор стал завхозом и подменял метеоролога. Только радиста Олега Брока никто не мог подменить. Целыми сутками случалось не спать: посылал через Мирный в Москву метеосводки, принимал телеграммы, записывал на пленку последние известия, стерег магнитные бури, чинил аппаратуру, крутил кино...

Семь человек были, как тут говорят, «с одной льдины». Они знали друг друга по Арктике. Они дрейфовали на льдинах у Северного полюса, зимовали на Диксоне, на Земле Франца Иосифа, в Крестах Колымских. Только одного человека никак нельзя было назвать «снежным человеком». Юрий Аистов раньше работал поваром в ленинградском ресторане «Метрополь». Юрия полярники сманили на «Обь» – плыть в Антарктиду. У семи зимовщиков не было повара. Сам начальник экспедиции попросил: останься. Остался. И оказался Юрий Аистов не только отличным поваром, но и самым веселым человеком на всю Антарктиду. Друзья полюбили ленинградца. И больше всего за то, что в столовой всегда в избытке была самая важная из приправ – неистощимое остроумие повара.

Вчера среди пирогов с джемом один оказался с горчицей. Пирог попался радисту. От хохота дрожали тарелки, а повар даже не улыбнулся. За двести пятьдесят дней зимовки Юрий не растерял оптимизма. Антарктиду он, правда, поругивал, жалуется: «Соскучился по Ленинграду. Больше меня на лед не затынешь...»

Но я уже многих узнал в Антарктиде. Вот так же ругали, а потом приехали во второй, в третий, в четвертый раз – льды имеют какую-то власть над людьми...

Зимовка окончена. Выполнена годовая программа работ. Восьмерка собирается домой. Смена уже прилетела. Идет передача приборов, знакомство с методикой наблюдений. Свободная от дел восьмерка ходит сегодня с фотоаппаратами по скалам. Кладут ребята камни в карманы – на память об Антарктиде. Сурова земля, но и к ней человек привыкает И, конечно, грустит, расставаясь.

Юрий Аистов сказал вчера: «Пойдем пройдемся напоследок». Мы взяли веревки, бамбуковые шесты, спустились на лед замерзшего океана. Пошли в сторону Москвы. До нее по глобусу пятнадцать тысяч километров. Прошли километров десять – двенадцать. Айсберги похожи с берега на столы, а когда становишься рядом, превращаются в огромные голубые отвесные горы. Они ползут в океан и скоро, как сломается лед, отправятся подстерегать беспечные корабли. То и дело под ногами с шорохом, холодящим сердце, оседает пористый снег, под снегом – вода, которую тут называют «рассолом». То и дело встречаются заметенные снегом трещины. Около айсберга змеей легла трещина с темно-синей водой. Когда снимаешь очки и ложишься на край трещины, на глубине в двадцать метров видишь голубоватое дно океана. Видно морские звезды и неподвижные камни. Юрий уверяет, что зимой из одной из них таскал рыбешку, похожую на бычков. Достаем удочки. На крючки, сделанные из конторских булавок, сажаем мясо. Ждем. Клева нет. Зато в трех шагах, в полынье, появляется страшная усатая морда. Фыркает, глубоко вздыхает. На льдину вылезает огромный тюлень. За ним еще три, поменьше.

Пока мы, бросив удочки, делаем снимки, вдоль трещины к нам бегут, задыхаясь от любопытства, пингвины. Остановились, вытягивают шеи, лопочут, бултыхаются в трещину. Из воды они появляются неожиданно, как торпеды. Прыжок вверх – и уже видишь их на льдине отряхивающими воду. Наглядевшись на двух рыболовов, пингвины уходят за айсберг. Идут, забавно покачиваясь, как старухи на богомолье. На снегу остаются следы, похожие на утиные.

Снег с трудом поддается солнцу. Зато там, где шторм уронил космы водорослей, снег и лед протаяли на всю толщину до воды...

Километрах в пяти от берега я поднял сосновую стружку – желтый, пахнувший смолой завиток дерева из-под рубанка. Стружку принесло ветром с каменистого склона, где стоят зеленые и красные домики. Там сейчас стучат топоры, звенит пила. Скоро на станции «Молодежная» вырастут новые домики. На зимовку в новом году остается человек сорок – строители и ученые. В Антарктиде вырастет новая советская научная база. Начало ей положила восьмерка зимовщиков – ленинградцев и москвичей.

...По трассе «Молодежная» – Мирный синоптики наконец обещают хорошую погоду. Завтра вылет. Новый год восьмерка встречает в Мирном, а потом два больших самолета поднимут зимовщиков в воздух. Люди соскучились по родной земле...

Антарктида, станция «Молодежная». 29 декабря 1963 г.

Елка и пингвины

Новогодний репортаж из Антарктиды

Можно поручиться – это самая любопытная из всех новогодних елок, какие зажглись по земле.

В Антарктиде, как известно, елки не вырастают. Антарктида знает только три цвета: белый, синий, бурый – снег, небо и скалы. Перед вылетом из Москвы мы долго думали: какой подарок от газетчиков повезти в Антарктиду? Елку! Конечно, елку! Синтетическую? Ни в коем случае! Только лесную, настоящую, чтоб и запах, и вид... Мне и поручили выбрать подмосковную елку.

Вечером 19 ноября моросил дождик. В асфальтовом шоссе отражались желтые и красные огни намокших машин. В районе Внукова наша машина остановилась. В лесу было тепло и тихо. С деревьев падали тяжелые капли. От света фонарика вскочил и ошалело задвигал ушами побелевший раньше времени заяц. Я долго искал и наконец увидел ее. Елка сверкала огоньками водяных капель. Она росла у края военного окопа, среди березовых пней.

В машине елка приятно колола щеку. В редакции ее одели в рубашку из прозрачного целлофана. Сделали надпись: «От «Комсомолки» – полярникам Антарктиды». Утром я отвез елку в аэропорт «Шереметьево» и поставил в самолете рядом с мешками, в которых лежали шапки, меховые сапоги и штаны.

Елка благополучно прилетела в Ташкент. Побывала в столице Индии – Дели. Побывала в Бирме и Индонезии, благополучно пролетела экватор. Но в большом путешествии невозможно без приключений. Полмира елка пролетела без визы. А в австралийском городе Дарвине мы сразу забеспокоились. В анкете было написано: «Не везете ли седла? Не везете ли упряжи? Не везете ли животных или растений?»

Елку спрятали в самолете. «Может, – думаем, – не заметят». Велика ли беда – провезти елку через Австралию? Заметили. Видим – выходит из самолета таможенник, тащит за гриву елку. На горячий, как сковородка, асфальт падают с елки и испаряются капли воды. Тут мы всем миром вступились за елку. Шлем в кабинеты таможи одну делегацию за другой. Очень вежливо пожимают плечами: «Закон». Но мы не сдавались. И перед самым отлетом улыбающийся человек, сам счастливый от того, что закон удалось нарушить, вручил нам елку.

После этого елка побывала в Сиднее, потом на самом краю земли – в Новой Зеландии, потом увидела белую Антарктиду. Три дня гостила у американцев в Мак-Мердо и вот уже почти месяц живет в Мирном. Наступил ее праздник. Плотник Афанасьев Федор Семенович сделал сегодня сосновую стойку. Елка расправила ветки, ожидает наряда. Геофизик Петя Астахов и я назначены одевать елку и звать гостей.

Легко сказать – гостей. Где гости? В Мирном все люди свои, а до ближайшего поселка в Антарктиде австралийского Дейвиса – тысячи километров. Поговорили мы с Петей? Гость все-таки будет!

Пингвины живут на острове Хасуэлл. Это всего в четырех километрах от Мирного. Наверно, не все знают, что пингвины – нескольких видов. На Хасуэлле живут адели. А самые важные и большие – императорские пингвины – крикливым лагерем стояли на виду у Мирного, около снежного айсберга. В жестокие морозы «императоры» вывели птенцов и сейчас всей армией двинулись к чистой воде. «Императоры» шествуют важно. Каждый по виду чином не менее, чем полковник.

Адели гораздо проще. Адели похожи на уличных ребятишек, выставших без присмотра родителей. Безмерно любопытные, лезут куда попало, дерутся, ссорятся, воруют друг у друга камешки из гнезда, норовят и яйцо чужое под себя подкатить. Адели не боятся людей, смертельно боятся самолета и очень любят музыку. Их несколько тысяч на Хасуэлле.

Прошлой ночью мы связались с Петей одной веревкой, взяли шест – на льду появились трещины, можно нырнуть в океанскую воду – и тихонько пошли к островам. Час ночи, а мы всю фотографируем синие айсберги, снежных буревестников и хищных поморников. Пингвинам нас видно издалека. Один самый любопытный не выдержал и помчался навстречу. Бежит, покачиваясь, как старушка, машет крыльями-ластами. Так спешит, что падает на живот, и, как ладья, подгребая ластами, плывет нам навстречу по снегу. Доплыл, стал столбиком около самых сапог, вытягивает шею: кто вы такие? Посвистели – млеет от удовольствия. Явный холостяк – чистая рубашка, безукоризненно черный костюм. Его собраты сейчас сидят на яйцах и уже птенцов успели вывести. Перья у них испачканы, а этот держится гоголем и следом за нами бежит к острову.

Среди пингвинов можно ходить и день, и два – не надоест. Ну хоть эта вот сцена. Самка сидит на яйцах. Яйца лежат в гнезде из мелких камешков. Заботливый отец-пингвин идет добывать эти камешки. Спускается вниз по уступу, с самым невинным видом идет мимо гнезд, смотрит по сторонам, щурится от низкого солнца.

Но вот одна пингвиниха зазевалась, и в ту же секунду ворюга схватил клювом из-под нее самый хороший камень. И куда делась походка вразвалку – спешит, деловито взбирается по уступу, камень в клюве несет. Донес, положил подруге в гнездо. И пошел по своим делам – опять походка человека, решившего прогуляться. И невдомек воришке: пока он идет, из его гнезда тем же порядком таскает камни его же сосед.

В каждом гнезде один-два беспомощных, покрытых бурым пушком пингвинчика. Матери отчаянно орут, когда подходишь к гнезду, и прикрывают малышей своим телом. Мы решили не беспокоить колонию, спустились с камней на лед. Любопытный холостяк тоже спустился.

– Он?

– Он.

– Как назовем?

– Назовем Парамоном...

Сейчас, когда я пишу репортаж, Парамон сидит под столом и кусает мне сапоги. Сегодня вечером Парамон побудет на елке у нас, а на родной Хосуэлл отпустим его завтра.

Идет последняя подготовка к новомуднему празднику. На плоской крыше кают-компании возвышается снежная баба. Геофизик Валентин Иванов оказался великим ваятелем. Уже сняты мерки со снежного человека. Летчики, помирая со смеху, шьют сейчас этой единственной в Антарктиде женщине бюстгальтер и модную юбку. Из всех домов в «елочный комитет» поступают сигналы: готова гирлянда лампочек, готовы свечи.

– Получите конфеты, – сообщает начальник хозяйственной службы Александр Павлович Кибалин.

Прижимистый обычно начальник пообещал под елку две дюжины бутылок шампанского.

Но на елку обязательны, конечно, и украшения. А их нет. Пришлось нам с Петей бросить клич: от каждого по игрушке! Конечно, нашлись и ленивые. Но разве на ленивых держутся новогодние праздники?

И вот весь стол уже завален остроумными украшениями. Каждый постарался – подарок елке с каким-нибудь смыслом. Чтобы смысл этот был всем понятен, мы с Петей составляем сейчас «путеводитель по елке». Он будет опубликован в стенной газете и передан по местному радио. Вот две-три страницы из нашего путеводителя.

Вот они, короли Антарктиды.

«Обыкновенный гвоздь. Он из тех гвоздей, с которыми строился Мирный в 1956 году. Доставлен геофизиком Иваном Самохваловым.

Галета Скотта. Доставлена на елку корреспондентом «Комсомольской правды» с другого конца Антарктиды. Галета взята из ящика, открытого в снегу. Она пролежала пятьдесят лет – с того года, когда экспедиция англичанина Роберта Скотта двигалась к Южному полюсу.

Пингвинье яйцо. На яйце вы прочтете надпись: «Сия бочка залита высокочтимым напитком, называемым водкой. Просьба до полуночи не вскрывать». Доставил геофизик Астахов Петр.

Огурец. Из третьего урожая, снятого в этом году на «приусадебном участке» радиста Николая Тюкова.

Камень. Простой камень. Но он привезен в Мирный со станции «Новолазаревской». А это, как известно, три тысячи километров, если идти напрямик по берегу Антарктиды.

Бычок (рыба). Пока еще не доставлена к елке. Но вот письменное обязательство Ивана Лугового, известного рыбака Антарктиды: «Хоть одного, а поймаю».

Счетчик Гейгера. Его принес, извиняясь за бедность, аэролог Владимир Бояревич. Запуская эту штуковину на высоту тридцати верст, он считает частицы космических излучений.

Рыжая борода. Натуральная борода. Запаяна в прозрачный пакет. Весь год роскошная борода принадлежала сейсмологу Борису Беликову. Услышав лозунг: «От каждого – по игрушке», сейсмолог взмолился:

- Братцы, в моей хижине хоть шаром покати!
- Ну, тогда давай бороду!

Минуту подумав, махнул рукой:

– Берите, все равно скоро домой ехать.

Снял бороду радист Иван Яковлевич Гнедо. Пословицу насчет того, что, мол, «...хоть шерсти клок» не вспоминайте – Борис парень хороший...».

И так далее. Не будем читать весь «Путеводитель». Скажем только: на елке будет все, чему положено быть.

Даже есть серпантин – длинные ленты. На нашей елке он тоже будет со смыслом. Послушайте, как налажено производство этого серпантина. Каждую более или менее длинную радиogramму – деловое донесение начальника Тябина, большое письмо любимой или мои репортажи в газету – радисты сначала набивают на перфоленту. Стучит пальцами по клавишам радист, из машины сползает бумажная лента, вся в очень красивых дырочках – в дырки превратились буквы радиogramмы. Бумажную ленту ставят потом в передающую машину. Р-раз! – и за пять минут вот этот большой репортаж передали в Москву. А лента в красивых дырочках осталась. Вот тебе и елочный серпантин.

Вот такая елка у нас, в Антарктиде...

Рабочий день в Мирном сегодня короче обычного. Все бреются, прихорашиваются. Все очень веселы. Под праздник приятно сбросить тяжесть забот. Под Новый год взрослые люди стали немножко похожими на детей. Двое очень серьезных ученых только что затеяли снежный бой. Очень многие забегают взглянуть на елку: неужели из Подмосковья? Вы даже представить себе не можете, сколько радости тут, в Антарктиде, может доставить людям деревце, выставшее в Подмосковье...

С наступающим годом, друзья!

Мирный, Антарктида. 1 января 1964 г.

Привет из Антарктики

Земляков всегда встретить приятно. На краю же земли эту радость иногда просто нечем измерить. В Антарктиде посредине засыпанного снегом поселка Мирный есть столб, на котором стрелки с надписями: до Луны – 384 417 километров, до Москвы – 14 217 километров, до станции «Восток» – 1438 километров, до Вашингтона – 16 754 километра и так далее. В первый же день я сделал фанерную стрелку и повесил на столб: до Воронежа – 14 217 километров. И в первый же день стал спрашивать: в Антарктиде нет ли кого из Воронежа? Земляков вроде не было. И вдруг...

Из Мирного на станцию «Восток» двигался санно-тракторный поезд. Пятнадцать парней шли по пустынным снегам к самой отдаленной из всех антарктических станций. Я уверен: нет более тяжелой работы, чем идти в таком поезде. Высота над уровнем моря – три тысячи метров, мороз – пятьдесят градусов и только снег, снег и более ничего. И так почти полторы тысячи километров.

У ребят сломался трактор. Я попросился с летчиками, которые повезли им коробку передач для машины. Нашли поезд в бесконечных снегах. Трактора стоят, сбившись в кучу. Садимся. Пятнадцать парней в заиндевевших шапках машут руками, бегут навстречу. Обнимаемся. Достают блокнот, начинаю записывать, спрашиваю, кто откуда.

Дошла очередь до водителя Ивана Ушакова. «Я, – говорит, – из Воронежа».

– Земляк! – кричу. Бросились обниматься. Ну потом, понятное дело, расспросы, что и как там в Воронеже? Но много ли поговоришь – летчики кричат: «Скорее, скорее – мерзнут моторы».

Уже в воздухе говорю летчикам:

– Вот повезло – земляка встретил.

– А ты, спрашивают, – откуда?

– Из Воронежа.

– Батюшки! – штурман Женя Рудаков от радости уронил полетные карты. Штурман, оказывается, живет в селе Боровое недалеко от станции Солмово под Воронежем.

От «Востока» до Мирного шесть часов лету. Можете себе представить, как наговорились два земляка. Вспомнили бронзового Петра, проспект, СХИ, реку Воронеж, Лысую гору. Все это очень приятно вспоминать, когда летишь час, и два, и пять часов, и видишь только снег, снег, без единого пятнышка.

Позавчера еще одного земляка встретил. На этот раз в подснежном домике сейсмической станции. Совсем молодой парень колдует в этой будке чутких приборов. Парень отпустил рыжую бороду, глобус перевернул Антарктидою вверх, чтобы удобнее было работать. Зовут парня Борис Беликов. Сидим, говорим, пьем апельсиновый сок и вдруг я, не помню почему, произнес слово «Воронеж». Парень вскочил. Оказывается, Борис родился и долго жил в Воронеже на улице 20-летия Октября против строительного института. Теперь семья его где-то под Ленинградом. Но какой воронежец забудет город, в котором он родился и вырос!

Эту заметку я написал по просьбе редакции «Молодого коммунара», приславшей в Антарктиду радиogramму: «Напиши землякам несколько слов к Новому году». Я подумал, о чем же важнее всего написать? Решил: надо о своих земляках. Полчаса назад я связался из Мирного по радио с Иваном Ушаковым. Он благополучно дошел со своими друзьями к «Востоку». Борису я только что позвонил по телефону.

Трое воронежцев шлют из Антарктиды сердечный новогодний привет землякам! Желаем всем трудовых успехов и больших радостей в Новом году!

Мирный. Антарктида. 1 января 1964 г.

До встречи, друзья!

Радиограмма с борта самолета Ил-18 № 75743

Благополучно взлетели. Сначала ушел самолет Александра Сергеевича Полякова, через десять минут стартовал наш Ил-18. Сейчас я спросил пилотов Михаила Протасовича Ступишина и Игоря Владимировича Ляховича: «Как взлетали?» Они ответили: «Взлет был сложным. Самолет трясло на ледяной полосе, но, как видишь, все хорошо».

И вот летим. Вспоминаю последние события перед стартом...

Уже запровлены самолеты. Командир перелета Москва – Антарктида – Москва Герой Социалистического Труда А. С. Поляков утром говорил по радио с новозеландским аэропортом в Крайстчерче. Ему ответили: «Ждем. Вылетайте. Погода благоприятная».

В Антарктиде полный штиль. Утих штормовой ветер. Он начался под Новый год и двое суток не давал покоя летчикам. Радисты беспрерывно посылали запросы на зарубежные станции: «А что у вас?» Надо было знать, как развивается циклон. Позавчера американская станция Мак-Мердо была готова принять нас, но потом срочно предупредила: «Вылетать нельзя – аэродром размяк, на полосе стоят лужи».

Всю ночь на взлетной полосе работали тракторы и бульдозеры. И вот все готово. На сани грузятся вещи зимовщиков. Радисты поставили пластинку. Над Мирным звучит традиционная и очень желанная песня. Зимовщики сидят за столом в соседней комнате.

В последний раз вместе. Уже выпит «посошок» на дорогу. Сказаны все слова, какие должны сказать друг другу мужчины после трудного и успешного дела. Одиннадцать человек улетают самолетом. Остальные будут ждать пароходов, которые уже недалеко. «Эстония» швартовалась сегодня в австралийском порту Фримантле и завтра выходит в Мирный. «Обь» благополучно прошла «ревушие сороковые» широты.

Одиннадцать отлетающих вышли в последний раз взглянуть на Мирный. Парни стоят у обрыва снегов. Сзади – ледяной купол материка, антенны, притихшие тракторы, скрытые в снегу домики, где люди жили более года. За обрывом – прибрежный лед в трещинах, темные глыбы острова Хасуэлл. Ребята сняли шапки. Это минута памяти тех, кто навечно остался во льдах Антарктиды. За восемь трудных лет Антарктида отняла пятнадцать человеческих жизней. Имена людей отлиты на бронзовых плитах острова Хасуэлл. «Прощайте, друзья, мы улетаем. Мы всегда помним о вас!»

И вот уже к взлетной полосе пошел первый трактор. Последние хлопоты. Отдают письма и посылки на Родину, обмениваются адресами, приглашениями в гости. Люди сроднились в этом суровом краю. Вчера все вместе после работы слушали передачу московского радио, слушали голоса родных и друзей. Сегодня для тех, кто летит, дом стал совсем близким.

Прощай, белая Антарктида!

Идем сороковую минуту. До сих пор перед глазами картина проводов. Объятия, поцелуи, салют из ракетницы. Потом разбег самолета, люди с поднятыми вверх руками. Послали с борта в Мирный радиограмму: «Спасибо! Спасибо за все!»

Итак, курс на Москву. Взлетели в 11 часов 11 минут. В двадцать часов по московскому времени должны приземлиться в Крайстчерче (Новая Зеландия). В Москве будет вечер. В Крайстчерче – пять часов утра. Взлетели со льдов. Приземлимся в разгар цветущего лета. Будем лететь над морем 5215 километров – девять часов без посадки.

На борту все в порядке. Снимаем меховые куртки, шапки и сапоги, достаем галстуки и белые сорочки. Родственникам будет приятно узнать: нашим самолетом домой возвращаются радисты Мирного Сергей Иванович Перевезенцев, Сергей Федорович Калинин, Борис Александрович Григорьев. С ними вместе начальник станции «Молодежная» Павел Моро-

зов, радист Олег Брок, механик Мирного Николай Данилович Пройдаков и повар Шакир Магдеев. На нашем борту возвращаются в Москву заместитель начальника Управления по изучению Арктики и Антарктики Юрий Андреевич Хабаров.

Наш маршрут: Мирный – Крайстчерч – Сидней – Дарвин – Джакарта – Рангун – Калькутта – Дели – Ташкент – Москва.

Штурман ловит астрокомпасом солнце. Шакир Магдеев готовит обед. Таков быт на борту самолета. Радист Коля Старков уверенно держит связь с Мирным и сейчас передает эту радиограмму. До встречи, дорогие друзья!

Домой!

Трансконтинентальный перелет Москва – Антарктида – Москва проходит успешно. В ночь на 4 января два советских самолета Ил-18 благополучно пересекли океан и, покрыв за восемь часов тридцать минут 5215 километров, наконец-то приземлились в Новой Зеландии. Сутки пассажиры и экипаж отдыхали в Крайстчерче. Доктор географических наук Алексей Трешников встретился вчера вечером с руководителями американских антарктических экспедиций. Журналисты провели день с советской киноэкспедицией, которая снимает фильм о природе островов Южного и Северного полушарий.

В Новой Зеландии сейчас лето. На нивах желтеют хлеба. Но погода стоит прохладная. Новозеландцы, пришедшие проводить наши самолеты, одеты в свитеры и плащи...

Эта радиограмма передается сразу же после взлета через радиостанцию Мирного. Оба самолета взяли курс на Сидней. Впереди четыре часа полета. Потом двухсуточный отдых.

В конце недели самолеты, пролетев Австралию, Индонезию, Бирму и Индию, приземлятся в Москве.

Борт самолета 75743. 5 января. (По радио.) 7 января 1964 г.

Здравствуй, Москва!

Трансконтинентальный антарктический перелет завершен

Два самолета Ил-18 идут по последней прямой: Ташкент – Москва. Идут над родной землей. По этому случаю на борту открыли бутылку шампанского. Бумажные стаканчики подняли все, кроме летчиков. Взмолнованный тост сказал полярник Геннадий Григорьевич Тараканов. В Антарктиде он целый год работал с американцами на базе Мак-Мердо и сейчас нетерпеливее всех ждет приземления.

Пятьдесят два дня самолеты не были дома. Москва – Антарктида – Москва. Пройдено 50 тысяч воздушных верст. Это равно одному витку вокруг земного шара. Все было в этой большой дороге. Было чужое небо с фиолетовыми облаками и незнакомыми южными звездами. Радисты в наушниках слушали чужую речь навигаторов. Были ночные незнакомые аэродромы. Тысячи километров воды без единого ориентира. Только приборы, звезды и солнце помогали штурманам определять дорогу. Самолеты пролетели над семью странами: сегодня снега, завтра пальмы. Два раза пересекали экватор. В Антарктиде самолеты заносило снегом почти под самые крылья. Над экватором обходили грозовой фронт. Самолеты кидало так, что вещи бились о верх кабины и люди узнавали состояние невесомости. Временами летели в сплошных потоках воды – в иллюминаторы нельзя было разглядеть концы крыльев. Очень трудными и опасными были взлет и посадка на ледовую полосу в Антарктиде.

Теперь все позади. Выдержано труднейшее испытание. В Антарктиду доставлены люди и грузы для важной экспедиции в глубь континента. На станцию «Молодежная» доставлена новая смена зимовщиков и строителей. Но не все, что было задумано, удалось выполнить. Предполагался большой перелет в глубь Антарктиды, в район белых пятен антарктической карты. Скрепя сердце от полета пришлось отказаться. Слишком велик риск взлетать на колесах и садиться на капризный антарктический лед. Нужны самолеты на лыжах. В Антарктиде много говорят о таком самолете. Арктика и Антарктика стали бы много доступней, если бы был такой самолет. Не надо было бы рисковать, посылая в рейсы с большой перегрузкой маленькие самолеты. Не надо было бы снаряжать дорогие, изнуряющие людей тракторные поезда. У нас есть для работы в полярных широтах хорошая машина Ан-10. Надо только поставить ее на лыжи. Есть много решений на этот счет, но дело, к огорчению полярников, движется плохо.

Шаг с трапа, и полярники ступили на московскую землю. В окружении родных и близких они отвечают на приветствия земляков.

Что касается перелетов до Антарктиды, то при всех сложностях это теперь уже не проблема. Трасса Москва – Антарктида обжита...

Последние две сотни километров полета. Скоро Москва. Ребята-зимовщики обмениваются адресами, с нетерпением поглядывают в иллюминаторы. Заснеженная родная земля проплывает под самолетом. Еще полчаса – и последняя, девятнадцатая посадка в этом большом перелете. Летчиков можно поздравить с окончанием сложной работы. Они вполне заслужили, чтобы мы еще раз назвали их имена. Командир корабля-флагмана – Герой Социалистического Труда Александр Поляков. Командир второго корабля – Герой Советского Союза Михаил Ступишин. Пилоты – Борис Майоров и Игорь Ляхович. Штурманы – Михаил Шерпаков и Александр Шамес. Радисты – Владимир Меньшиков и Николай Старков. Бортмеханики – Николай Глазырин, Сергей Лаврентьев, Аркадий Воронин и Сергей Балашов. Инженеры – Николай Пишков и Василий Ткаченко. Инспектор – Олег Архангельский.

Эта заметка передается в редакцию после приземления в порту «Шереметьево». Как раз в эти минуты около самолета жаркие объятия, цветы, слезы радостной встречи. Летчиков и зимовщиков встречают журналисты, родственники, друзья.

В аэропорту возникла летучая пресс-конференция. О значении перелета журналистам рассказал заместитель начальника Управления полярной авиации ГВФ Михаил Андреевич Филиппин. Он сказал:

– Наши летчики доказали – в Антарктиду можно летать всегда, когда это нужно будет ученым. «Аэрофлот» открыл самую протяженную в мире трассу – Москва – Антарктида. Вторую воздушную экспедицию к ледовому континенту совершили наши обычные пассажирские машины Ил-18, летающие на всех трассах «Аэрофлота».

Сердечной была встреча в Москве. Кончилось большое путешествие. Во всяком путешествии самое приятное – возвращение домой.

Борт самолета Ил-18 № 75743 – аэропорт «Шереметьево». 12 января 1964 г.

Близкая Антарктида

Антарктида... Воспоминания о ней, как сон. Ставший на мели айсберг. След трактора и саней длиною в тысячу километров и более никакого следа. Красный флаг над белой равниной. Черные очки. Губы, треснувшие от ветра и солнца. Тюлени на льду. Капель с потолка подснежного домика. Новогодняя елка с пингвином. Чуткие антенны лабораторий. Собака Волосан, рожденная на льду и никогда не выдавшая земли. Баня с веником из березы, водою из синего айсберга и клюквенным квасом. Кинофильм, который крутят 29-й раз. Дрожащие от радости руки с письмом из дому. Маяк, без которого в пургу не отыщешь столовую. Обледеневший, теряющий высоту самолет. Лихорадочная спешка, в которой посылались заметки в газету. Запах зеленого огурца на окне у радистов. Разговор по радио с соседом, до которого, если идти берегом Антарктиды, – две с половиной тысячи верст. Белый нескончаемый день. Камень с пятиконечной звездой – память об украинском парне Иване Хмаре. Бездонная трещина. Голубая у края, черная в глубине. Песня «Давно мы дома не были». Книги о самых первых увидевших эту землю. Они так говорили об этой земле: «Самый холодный, для человека самый враждебный край...» «Я не завидую тем, кто ступит на эту землю...»

Ледяная пещера. Никто не может сказать, когда и как родилась эта пещера в толще огромного айсберга.

Антарктида. В ней хорошо только пингвинам. Люди предпочитают жить под пальмами и березами. Ничего живого уже в ста километрах от берега. Но дерзкий человек заглянул на тысячный километр. Свистят под ветром струны антенн. Скрипит снег под шагами. Пылает флаг. Флаг точно такой же, как над кремлевским зеленым куполом. Один этот флаг способен отогреть сердце после бесконечной белой дороги.

Антарктида. Проявлены первые фотопленки. Это не сон. Это было всего две недели назад.

* * *

Пурга. Вытянешь руку – варежки временами не видно в слепящей, холодной мгле. Пурга валит с ног. Если надо было выйти из дома, выходили, связавшись веревкой. В центре поселка в пургу горит сигнальный маяк. По радио в такие дни каждый час передавали известия о скорости ветра, предупреждали: «Выход опасен». Это зимой. Но и летом пурга – не редкость. Снимок сделан 1 января, в самый разгар лета в Антарктике... Но лето есть лето. Стихла метель. Солнца так много – без темных очков ослепнешь в два счета. Мороз – два градуса. Но что это за мороз для людей, проживших год в Антарктиде. Скорей скинуть рубашку и загорать. Это, к сожалению, все, что может подарить людям антарктический «курортный сезон».

* * *

Ученый. Его зовут Валентин Иванов. Профессия – штурман. Врачи сказали: «Глаза пошаливают». Штурмана списали на берег. Но сердце у штурмана просилось из дому. И однажды он снова почувствовал палубу под ногами. Корабль плыл в Антарктиду. Штурман согласился на любую работу. Ему поручили следить, как смещается магнитный полюс Земли, поручили следить за полярным сиянием. Он не спал много длинных полярных ночей, чтобы узнать тайну полярных огней, таинственных и холодных.

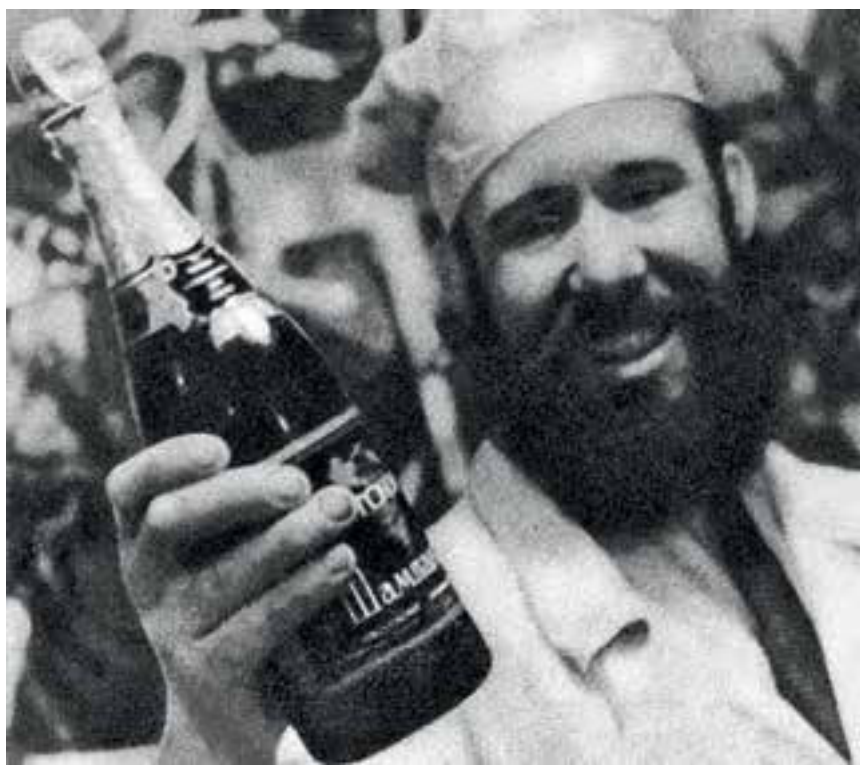

* * *

Повар Вася Кутузов. В этот вечер халат его сиял белизной. Он любовался столом, как художник любит удавшимся полотном. Он был щедр, весел и не обижался на шутку. Из снежных погребов он достал бутылки с ярлыками «Советское шампанское». Снимок сделан в полночь 31 декабря за минуту до Нового года.

* * *

Катастрофа. Люди в этом краю знают меру опасности. Тут многое связано с риском. Видно, и в этот раз надо было обязательно рисковать. 28 декабря, за два дня до нашего прилета в Мак-Мердо, американский вертолет врезался в лед. Он шел в слепящей мгле, когда не знаешь, где небо и где земля. Пилоты остались живы. Когда делался снимок, ветер шелестел полетными картами, у разбитой машины валялся пилотский шлем и пластмассовый желтый утенок – маленький талисман, хранивший летчиков от беды...

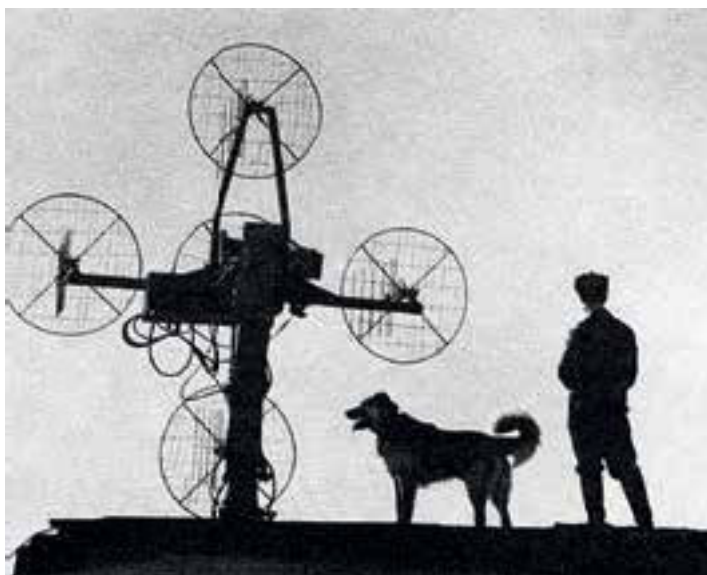

* * *

Давно мы дома не были... – это слова из песни, живущей с войны. Эту песню очень часто я слышал за стенкой комнаты. Вечером, после работы, вздыхала гармошка. Заглянешь – горит лампа, на столе – фотография: женщина, мальчишка и девочка. Спросишь: «Что, Коля, нет телеграммы из дому?» Кивнет – и опять эта песня вполголоса: «Давно мы дома не были»...

Пингвины. Не подумайте, что это фотографу пришла в голову блажь выстроить их в колонну.

Земля слушает.

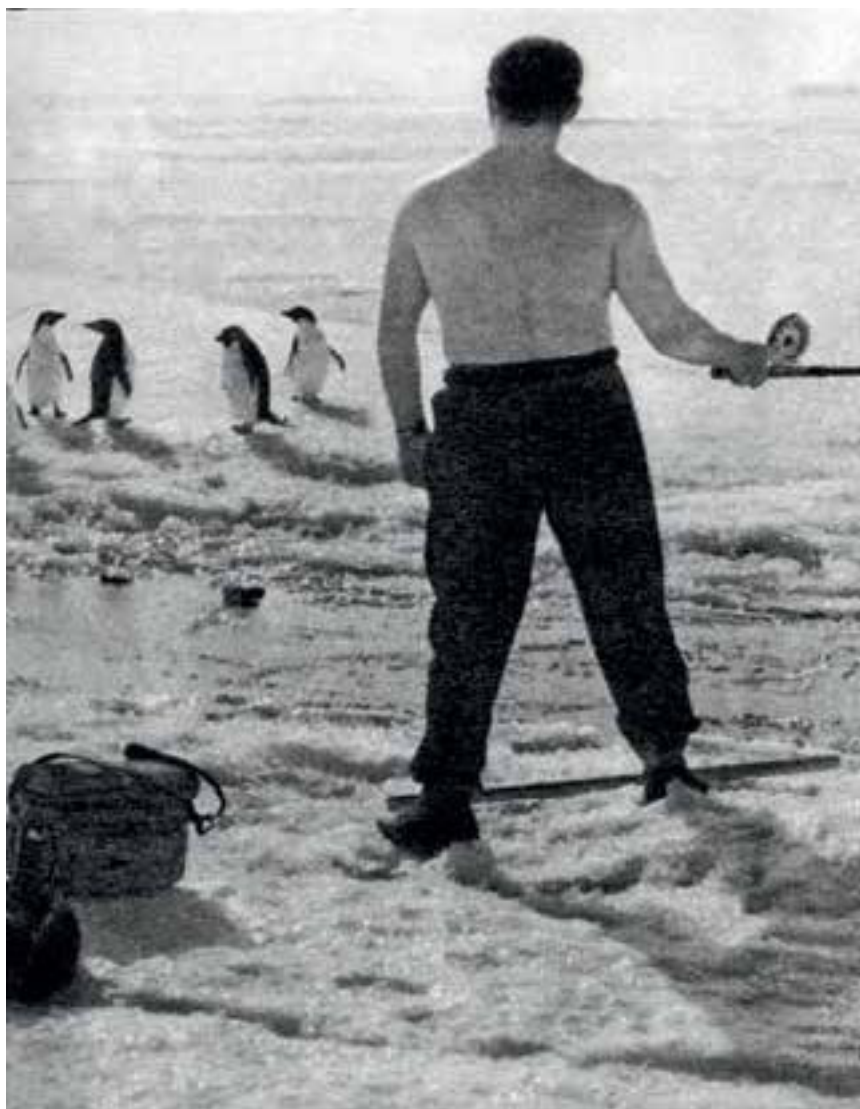
Фото автора. 19 января 1964 г.

У южных широт

Человек остается верен страстям и привычкам. Ловил рыбу в Неве. Отправился в Антарктиду – взял с собой удочку и даже банку с червями. Червяки не выдержали дальней дороги. Но оказалось, рыба в Антарктике вполне довольна кусочками мяса. Отыскал рыбак трещину и запустил лесу в океанскую воду. Рыбешка идет некрупная, чуть больше ладони. Видом – настоящий бычок. Но иногда на крюк попадает добыча, которая рыбакам на Неве даже и не приснится. Кальмар! Небольшой, правда. Но все как положено: голова, клюв, щупальца... И товарищи по рыбалке в Антарктиде совсем необычные. Пингины». Ныряют, того и гляди лесу запутают – тоже за рыбой охотятся. Наедятся, вылетают из воды, как торпеды. Отряхнутся и смотрят: что за существо такое появилось в Антарктике – шкуру на солнце сбрасывать может, способен полдня у трещины простоять...

Рыбак – он везде рыбак, даже в Антарктике.

Бегущие по волнам... На них можно глядеть целый день. Их человек сто. У каждого доска из пластической массы. Концы у досок округлые, на одной стороне – похожий на плавник небольшой киль. Сто человек с белыми, красными и голубыми досками уплывают от берега – чуть-чуть головы видно. Люди лежат на досках и ждут большой волны. Волна надвигается, как гора. Сто человек поднимаются на колени, потом во весь рост, и вот уже дух захватывает: к берегу на спине у волны несутся – лыжники? Нет, это ни на что не похожее зрелище. На спине у волны – молодые, стройные загорелые люди. Один кувыркнулся – мелькнула доска, руки. Остальные мчатся. Руками балансируют, как циркачи. Солнце. Туманные брызги воды. Волна с грохотом бьется на песчаный отлогий берег. Бегущие на волне кувыркнулись, вынырнули. Подхватили доски – и опять в море.

Все это я видел две недели назад в Австралии, около города Сиднея. Катание на волне – древнее увлечение жителей Гавайских островов. Сейчас этим спортом увлекаются на многих побережьях земли.

Фото автора. 25 января 1964 г.

На ледяном куполе

На земле не много осталось мест, куда еще не ступала нога человека. Даже Антарктида на картах испещрена сейчас тропами путешествий: на тракторах, на собаках, на самолетах. Но есть на антарктической карте районы, где нет ни черточки, ни пунктира. Центр Земли Королевы Мод. Тут никто не был. Ни самолет, ни собачья упряжка. Человек не знает, какой вид у земли в этом месте. Горы? Впадины? В этот район советские путешественники предприняли экспедицию. Это самая трудная из всех экспедиций этого года. Шестнадцать человек находятся сейчас в самом недоступном крае земли. Этот снимок сделан под Новый год, за несколько дней перед стартом поезда на антарктической станции «Восток». Уже почти месяц эти люди находятся в трудной дороге. Вчера редакция по радио получила от них первую весточку.

В. Песков. (Наш спец. корр.).

Обветренные, чумазые, загорелые. Первое слово: «Письма!»

«Высота 3985 метров над уровнем моря» — такую запись в журнале сделал гравиметрист-геодезист Юрий Бугаев. Мы находимся на самой высокой точке ледника Антарктиды. Уже три недели в глубь снежного континента движется санно-гусеничный поезд. Две «Харьковчанки» и один средний тягач тянут за собой тяжело груженные сани с горючим. На крышах «Харьковчанки» и тягача стоят брезентовые шестигранники. Это — современные средства геодезической нивелировки: радиодальномеры, позволяющие измерять большие расстояния с точностью до сантиметров, теодолиты, измеряющие наклон поверхности с точностью до угловых секунд. Проходим высоту 4000 метров над уровнем моря. Даже бывалые антарктические исследователи, зимовавшие год на станции «Восток» — магнитолог Виталий Казарин, врач Николай Савельев и механик-водитель Николай Боровский, даже они, для которых высота 3500 метров стала привычной, замечают усилия и вялость, с которой приходится выполнять любую физическую работу. Очень разрежен воздух. Не только люди, но и двигатели машин работают с трудом. Маленький мотоциклетный движок буровой установки «задыхается» то и дело. От инженера Николая Казарина требуются большое искусство и двадцатилетний опыт, чтобы в рыхлых сыпучих снегах, напоминающих пески Каракумов,

пробурить скважину. В скважину сейсморазведчик Олег Сорохтин опускает заряд взрывчатки – с помощью звука измеряется толщина ледника. Поздно вечером, когда все уснут в «Харьковчанке», мы с Олегом будем просматривать в который раз ленты записей и спорить над каждым изгибом кривых. Толщина ледника здесь огромная. Сейчас под нами отроги подледных гор Гамбурцева, открытых пять лет назад Олегом Сорохтиным.

Саный поезд. Мы улетели. Они остались.

От теплого прощания не так холодно даже здесь.

Шаг за шагом движется поезд. Иногда тягачи проваливаются в сыпучий снег, и тогда за ними остается глубокая колея. Мы просто молимся на водителей. Порой, оглянувшись назад, удивляешься, как можно было пройти. Начальник транспортного отряда Лебедев Анатолий, уже дважды зимовавший в Антарктиде, ведет первую «Харьковчанку». За рычагами его меняет напарник Коля Боровский. Идти надо осторожно. В этих районах до нас никогда не было ни самолета, ни тягача. Нам, ученым, важно не пропустить ничего: ни изменения формы застругов, ни возможных горных вершин, ни малейших колебаний температуры. По следу первой машины идут «Харьковчанка» с номером 23 (ее ведут Иван Ушаков и Александр Темляков), тягач Петра Шуленина и Анатолия Кунделева. В тягаче оборудован камбуз. Тут среди кастрюль, сковородок и кружек орудует наш врач Николай Савельев. Готовить на высоте очень трудно: вода кипит, а пища не варится. К тому же машины, как на волнах, ныряют по застругам – кастрюлю не просто держать на месте.

В ночные интервалы времени поезд становится. Виталий Ноздрюхин и Герман Сакунов проводят гляциологические и погодные наблюдения. Собранные сведения дважды в день передаются нашим радистом Сергеем Ковтанюком в Мирный. Все 16 участников похода заняты до предела.

23 января из Мирного поднялся самолет Ил-12. Его вели летчики Миньков, Капранов и штурман Берцинский. Предстояла трудная задача пролететь 1800 километров в глубь Антарктиды и найти затерянные в ледяной пустыне тягачи нашего поезда и сбросить на парашютах груз. Это был третий полет к поезду. На этот раз он осложнялся погодой: низкая облачность, обледенение, ветер и, главное, полное отсутствие ориентиров. Даже солнце, верный помощник штурмана, спряталось в облака. Летчики блестяще справились с задачей. Точно в назначенное время из облаков за нами вынырнул самолет и, сделав круг, сбросил два парашюта. Мы подъехали к тяжелым контейнерам. Там были свежие фрукты, овощи и даже арбуз. Это была последняя посылка далекого Мирного. Теперь до нас и долететь трудно. Идем сейчас к полюсу недоступности. Оттуда повернем на станцию «Молодежная».

*Андрей Капица, начальник поезда, кандидат географических наук.
Антарктида. 1 февраля 1964 г.*

Зачарованные острова

Так будет называться фильм о природе земли. Его делают люди, которые живут в Москве, но которых я встретил на самом краю земли – в Новой Зеландии.

Я снимал диких уток на городской речке. Слышу за спиной разговор по-русски. Обернулся. Батюшки! И куда только не занесет профессия киношников и журналистов. Свои, русские! Сидят на поляне, отдыхают, кормят почти из рук белых чаек. Рядом стоит машина с аппаратурой. Разговорились...

Режиссер Александр Михайлович Згуриди, операторы – Нина Юрушкина, Володя Пустовалов и переводчик Игорь Волков, оказывается, проехали по земле уже тысячи километров в поисках кадров для своего фильма. Они снимали сайгаков на острове Барса Кельмес в Аральском море. Снимали редких зверей – каланов на Дальнем Востоке. В Австралии они будут охотиться с кинокамерой на сумчатых зверей: кенгуру, медведя-коала. Попытаются снять ехидну и утконоса. В Индонезии на острове Комодо встречаются гигантские трехметровые ящеры-вараны. И на этот остров заглянет пытливая кинокамера.

В Новой Зеландии живут редчайшие на земле животные: первоящер туатара и удивительная бескрылая птица киви.

Во время нашего разговора подъехал новозеландский проводник-охотник и стал торопить экспедицию. Предстояла трудная охота. Машина тронулась. Александр Михайлович помахал легкой бумажной кепкой.

Страус. Та самая птица, которая прячет под крыло голову, когда видит опасность.

Этот неутомимый человек много ходил по земным дебрям. Мы помним его прекрасные фильмы: «Лесная быль», «Тропой джунглей» и поэтическую ленту о птицах – «Дорогой предков». Теперь режиссер задался благородной целью показать людям природу земли, и животных, которых осталось так мало, что, если их не сберечь, они исчезнут на глазах нынешних поколений. Очень благородная цель. Сейчас режиссер и его друзья по-прежнему далеко от дома. Пожелаем им успехов и будем ждать хорошего фильма.

Эти фотографии прямого отношения к фильму не имеют. Я сделал их в парке Индии, Индонезии и Австралии, где пройдут пути киноэкспедиции. Но, возможно, эти «персонажи» станут и героями будущего фильма.

Вараны с острова Комодо.

Фото автора. 29 февраля 1964 г.

Белые сны

Так будет называться книга-репортаж Василия Пескова о путешествии в Антарктиду, над которой он сейчас работает. Это рассказ о полете по четырем странам света, об Антарктиде, встречах с людьми на ледовой земле.

Сидней-город

Если хотите сделать подарок сиднейцу, скажите ему: «Сидней – очень красивый город».

Он и в самом деле очень красив, этот стройный, как все молодые города, как наш Ленинград, город Сидней. Мы в Москве гордимся Кремлем, в Воронеже – памятником Петру Первому, в Киеве – Крещатику и Софийским собором. Сиднеец гордится мостом. С этим мостом мы познакомились еще в самолете, когда листали путеводители. Мост снизу. Мост сбоку. Мост с вертолета. Мост на вечерней заре. В тумане. Ночью. Ничего не скажешь – красив и громаден. Пароход под мостом кажется заводною игрушкой. Подъезжаешь к мосту – ищи в кармане монету. Красота сиднейцам стоит фантастической суммы. Мост строила английская компания. По сложному расчету, сиднеец платит за эту постройку уже много лет и будет платить, пока мост будет стоять. Мостов в Сиднее много – весь город изрезан морскими бухтами и заливами. И это составляет его главную красоту.

Вечером город сияет сумасшедшими огнями реклам. Бегущая радуга отражается в воде, в небе, в стеклянных витринах и в натертых до блеска медных досках солидных контор. Австралия стрижет деньги с овец и посевов пшеницы. Владельцы больших земель свои конторы держат на асфальте, на перекрестках дорог, у причалов и воздушных портов. Сидней как раз такой шумный человеческий перекресток.

Город строится. Если в сторону податься нельзя – строится ввысь. Хорошо умеют строить сиднейские архитекторы и рабочие. Здания из бетона и плиток удивительно легки и красивы. Удручает только метро. После московского оно кажется тесным и неопрятным.

Город полон людей и машин. Машин больше. Конфликты между автомобилем и пешеходом разрешают полицейские в черном и «зебры» – желтые полосы переходов. Счастливо избежав столкновения с техникой, ошалев от берущих тебя за грудки рекламных щитов, ты ищешь, где бы присесть. Ага, вот спасительный островок. Огромный парк в центре города. На остриженной «под ежик» лужайке люди сидят, лежат, читают газеты, разглядывают покупки. Конечно, это нарушители городских правил. Ищешь глазами грозную заповедь: «Траву не мять, цветы не рвать». Не обнаружив таблички, ложишься на траву. Глядишь, как плывут облака, и чувствуешь себя зерном, зажатым меж каменных жерновов.

Ты захотел поесть. Доверившись рекламе, открываешь тяжелую дверь ресторана. Чопорно, дорого и безвкусно. Ты хочешь попробовать «чего-нибудь австралийского». Официант вежливо улыбается:

– Австралийское?.. Ничего такого нет...

Это не только в ресторане. В Австралии не ищите национальной музыки, театра, трудно уловить черты самой нации. История Австралии не очень длинна. Она начинается с капитана Кука. Двести лет назад белые моряки, сойдя на незнакомую землю, спросили темнокожих людей, показывая на длинноногого убежавшего зверя:

– Что это?

– Кен-гу-ру, – ответили темнокожие.

Только спустя много лет белые люди узнали: кен-гу-ру по-австралийски – «не понимаю».

Двести лет черные и белые люди не понимают друг друга. Белым людям понравились красные плодородные земли Австралии. У белых людей на побережье много теперь богатых городов. Сидней, пожалуй, первый из них. Аборигенам пришельцы великодушно уступили пустыню.

Если вы хотите польстить австралийцу, скажите, что прадед его был каторжником. В Австралию англичане ссылали преступников. Эти люди доказали свою жизнеспособность. От них пошел основной корень австралийского населения. Разумеется, нынешний австралиец гордится не преступным деянием пращура, а древностью рода. Сидней – старожил среди городов. Как-никак почти двести лет стоит на земле. Он первый и по числу населения – более двух миллионов. Всего же на австралийском материке одиннадцать миллионов жителей. Это очень немного. Поэтому Австралия постоянно нуждается в эмигрантах. В Сиднее встретишь и русских.

В ресторане в знак уважения к неожиданным посетителям два парня в красных рубашках, задыхаясь от деланной страсти, пели «Очи черные». Мы сказали, что эту песню сейчас в России мало кто знает. Парни спели «Подмосковные вечера». Мы съели по куску мяса, в которые на палочках были воткнуты изящные бумажки – реклама этого ресторана. К мясу полагалась печеная картошка «в мундире» и какой-то сложный узор из салатного листика.

Попозже мы без труда отыскали что-то вроде столовой. Столь же стандартно, но недорого и нечопорно. Кусок мяса, томатный сок, молоко, пучки свежей зелени. Тут едят плотники, конторщики, шоферы, продавцы, репортер вечерней газеты. По соседству с харчевней – двери дешевого бара. Все время кто-то играл на скрипке. Мы заглянули. Тут вечерами собираются эмигранты. В сигаретном дыму плавали усталые лица. Больной старик-бельгиец играл на скрипке. Музыка прикрывала стыдливое нищенство. Сунув смычок под мышку, бельгиец снимал помятую черную шляпу и, жалко улыбаясь, шел мимо столов.

– Огинского полонез, для меня! – крикнул из угла по-польски сильно захмелевший человек с рукой, затянутой в гипс.

Старик закрыл глаза и притронулся к струнам. Поляк слушал, наклонив голову. Частые слезы падали на мраморный столик...

Богатый город Сидней. Он много всего производит. И старается изо всех сил продавать все, что сделал. Витрины ломятся от товаров. Если вы здоровы, удачливы, если работаете, – город будет вашим другом. Но пошатнулось здоровье или потеряли работу – конец. Город с дразнящим жаром богатых витрин и холодным равнодушием адвокатов и докторов становится вашим врагом. Потерявшие надежду идут в самое красивое в городе место – к высокой скале у моря. Тут лежит ржавый якорь корабля, разбитого бурей в 1857 году. Скала у моря – любимое место самоубийц и туристов. Люди тут встречаются и прощаются с солнцем. Отсюда видны дымки пароходов... Когда мы прилетели в город, два любопытных судна привлекали сиднейцев: наш торговый корабль и американская подводная лодка. Наверно, устаревшая лодка. Ее показывали всем любопытным.

Духовная пища сиднейца так же стандартна, как и еда. В ней всегда присутствует «палочка с рекламной этикеткой». В кино, в газете, в роскошном журнале, по телевидению вам обязательно подsunут эту изящно сработанную «палочку». Мы справедливо ворчим на небрежное оформление наших товаров. Тут же появляется обратное чувство. Ужасно много средств, энергии и человеческой выдумки тратится на обертку. Это касается одинаково мыла, искусства и рыбных котлет.

Мы не успели выяснить, есть ли в Австралии свои кинофильмы. Со всех рекламных щитов на тебя глядят белокурые звезды и вооруженные американские парни в ковбойских шляпах и военных фуражках. Гвоздем сезона был фильм «Клеопатра». Реклама обещала «невиданную любовь», которая стоила кинопромышленникам невиданных миллионов. На этом кинофильме, идущем почти четыре часа подряд, я хорошо соснул, потому что в любви

объяснялись на английском языке. Опять ругнул себя за нерадивость в школьные годы. Но ученый «с языком» Геннадий Григорьевич Тараканов, у которого я спросил: «Ну как?», тоже зевнул и развел руками: «...Но удивительно – валом валит народ». Реклама! «Палочка с этикеткой». В красивой обертке ничего нет, но ты обнаруживаешь это уже после того, когда уходишь из зала.

В панорамном кинотеатре мы в тот же день смотрели американский же фильм «Как покорялся запад». В огромном кинотеатре, уступающем, впрочем, во многом московской синераме, сидело человек сорок. Если бы всех поставить в ряд у экрана – экран бы оказался длиннее шеренги. Фильм тоже настолько длинный, что надо устраивать перерыв и охлаждаться мороженым. Снято великолепно: плоты, летящие в пропасть на горной реке, бородатые благородные люди, первые могилы и первая насыпь железной дороги, жестокие схватки с индейцами, стадо бизонов, растоптавшее лагерь... Очень всего много. Все вперемежку со скукой, уже знакомой по другим ковбойским сюжетам. Конец у фильма победный. Города, плотины, дороги, горы хлеба и горы фруктов. А краснокожим – пустыня. Точь-в-точь как в Австралии.

Кино. Телевизор. Пухлая, в сорок страниц, газета. Журнал, начиненный рекламой. Что еще потребляет сиднеец? Чему отдает он свободное время? Есть такая игра: становишься лицом к стенке и кидаешь в пробковый щит тяжелые стрелки – набираешь очки. Времяубиение столь же скучное, как и «козел» на московских дворах. Но в Москве на том же дворе, в метро, в саду на скамейке, в автобусе ты обязательно увидишь человека с серьезной книжкой. В Сиднее такого человека не встретишь. Есть деньги – человек идет в бар, в ночной клуб, в ресторан. Таких заведений много. Запомнилось мелькнувшее в окошке автомобиля название: русский ресторан «Балалайка». Нет денег – человек просто ходит по улицам. Вечером городской перекресток «Кинг-кросс» становится местом, где при свете огней можно показать новое платье, матросскую выправку или тугой кошелек. Тут потихоньку от полицейских идет торговля женскими ласками. Потихоньку от родителей подростки заглядывают в греховные уголки жизни.

Когда летишь над африканской саванной, есть шансы увидеть стада буйволов, слонов, антилоп или жирафа. Я видел стадо длиннорогих антилоп ориксов, бежавших в клубах пыли рядом с тенью нашего самолета. В Австралии нет крупных животных. Сколько ни гляди вниз – только красноватая, будто после хвори, земля с редкими пятнами зелени. Жизнь на этом огромном континенте развивалась своими неведомыми путями. Тут обитают звери, каких нет ни в Африке, ни в Азии, ни в Америке, ни в Европе. Между собой почти всех австралийских четвероногих роднит одно странное свойство. Детенышей после рождения они носят в сумке на брюхе. Кенгуру. Красный сумчатый волк. Сумчатый медвежонок коала. Сумчатая куница. Сумчатый крот. Сумчатый мурашвед. Тут живет земляной попугай. Рыба, которая может дышать воздухом. Дикая собака динго. Крупная ящерица молох. Страус эму, тот самый, что в момент опасности прячет голову под крыло. Тут обитает совсем странный зверь, покрытый мехом, но с утиным клювом. Зверь живет в воде, как бобр, но кладет яйца, как птица, и кормит детей молоком – утконос.

Конечно, все это мы могли увидеть только в зоопарке. Сиднейский газетчик, с которым мы познакомились, похвалился: «Наш зоопарк – один из лучших в мире». Мы пошли в зоопарк. Какой-то одинокий, но очень богатый сиднейский меценат, разуверившись в людях, решил помогать только животным. Звери даже не подозревают, что, поедая ежедневно морковку, свеклу, рыбу и мясо, они сидят за столом миллионера.

За зверями хороший уход. У какой-то редкой обезьяны в этот день родился наследник. Его забрали у матери, взвешивали, поили из соски. Служители в светлых куртках по этому случаю бегали так же, как, наверное, бегают во дворцах, когда родится наконец королевский наследник. У самой обезьяны был грустный вид. Она смотрела на мир сквозь решетку, и на

ее волосатой морде без труда можно было прочесть отвращение к людям и невыразимую тоску по банановым джунглям. У ограды обезьянкой любовались две необычайно стройные и красивые австралийки. Они брали мелкие камешки и швыряли за прутья. Обезьяна наконец обратила на них внимание. На языке джунглей она довольно грубо усомнилась в теории Дарвина. И в самом деле, вряд ли два крашенных существа в полупрозрачных нейлоновых юбках могли произойти от обезьяны.

Два варана с индонезийского острова Комодо лежали в обнимку на зеленой траве. Варанов зоопарку подарил президент Сукарно. Четырехметровые ящеры, совсем недавно обнаруженные на земле, имеют такую ценность, что их от зрителей, помимо сетки, отгородили еще и толстым стеклом. Нильский крокодил рядом с варанами выглядел старомодно. Он лежал неподвижно, и какая-то птичка клевала у него на хвосте насекомых. Рыжевато-серые кенгуру прыгали, как кузнечики, и то и дело залезали мордой в сумку на животе. У одной матери из сумки торчал спящий лопухий детеныш. Львы равнодушно дремали. Это выводило из себя посетителей, которые за свои кровные деньги желали видеть львов рычащими, кровожадными...

Уже летели к Антарктиде. Через несколько суток дальний и долгий поход. Полярники везут друзьям письма и подарки далекой Большой земли.

Мы уходили из парка под крик носатой австралийской птицы кукабары. Эта насмешница в природе очень ловко хватает змей, за что и получила любовь и благосклонность людей. На всех этикетках для иностранных туристов вы встретите изображение кенгуру, бумеранга и кукабары с мертвой змеей в клюве. Австралийское радио начинает свои передачи криком кукабары.

Последние австралийские деньги мы истратили самым романтическим образом. Под землей в зоопарке есть прохладный аквариум. Тут за отдельную плату вам покажут, как живет океан. Морские ежи, разноцветные звезды, осьминоги, кораллы... Но самое интересное – бассейн в центре аквариума. Глядишь сверху: пестрые стайки рыб, среди них, ни на секунду не замирая, плавают огромная черно-фиолетовая акула. Рядом с акулой скат – круглый черный платок с небольшим хвостиком. Края у платка шевелятся, и он плывет вслед за акулой. Дно у бассейна усеяно черными кружками. Мы не сразу догадались, в чем дело. Но

вот парень с девушкой порылись в кошельке и, когда акула проходила как раз под ними, бросили в воду монетку. На счастье надо так бросить, чтобы монета осталась лежать на широкой спине акулы. Счастья кому не хочется! Соблазнились и мы. Вытряхнули из карманов медные капиталы, отложили по три кружка на троллейбус, остальное – в воду на счастье. Одному, представьте себе, удалось положить медяшку на акулий хребет. Не понравилось. Вильнула хвостом. Но счастье уже было в наших руках. В путешествии счастье очень необходимо.

Камень из Антарктиды

Летим над Антарктидой. Минутами кажется: на всей земле нет ничего, кроме этого снега. Последняя темная точка, которую мы видели, покидая Мак-Мердо, была гора с черным крестом в память Скотта. Достая из сумки дорогой антарктический сувенир – галету из домика Скотта. Она полвека лежала в снегу, с того самого года, когда люди пешком достигли Южного полюса. Дощатый домик на берегу моря Росса занесен снегом. Отсюда Скотт ушел к полюсу и не вернулся. Ржавой лопатой я откопал в снегу цинковый ящик. Отогнул край. Четыре галеты. В дырочках, с двумя английскими буквами. В самолете галеты отмякли, пахнут хорошим пшеничным хлебом. Три бережно завертываю в целлофановый лист. Одну ломаю на четыре кусочка. Едим, как причастие. Именно этих галет не хватило Скотту, чтобы дойти...

Изменилась ли Антарктида с тех пор? Отступает ли человек после каждой такой трагедии? Нет. Мы сидим сейчас рядом с геологом Вячеславом Духаниным. Он всю дорогу молчал, перебирал карты и записи. Сейчас, кажется, все закончил. После разговора о Скотте достал фотографию сына.

– Хорош парень? В четвертом классе... В прошлом году привез ему камень из Антарктиды. Поволок в школу. Приходит и слезы и нос вытирает: «Пятый «Г», мальчишки... На куски покололи. Тебе, говорят, отец еще привезет». Ладно, говорю, Андрей, не реви, привезу камень. Вот лечу. Такое дело – камни искать...

Мирный под снегом. Три-четыре домика на вершине скалы остались незанесенными. Все остальное под снегом: лаборатория, баня, дома.

Кто-то из веселых людей на самом высоком месте поселка укрепил этот столб.

Я поглядел на часы. В Ленинграде, наверное, идет третий урок. Пятый «Г»... Сорванцы, должно быть, «кололи камень школьным звонком». Сидят, конечно, на самой последней парте. В карманах всякая всячина и черный, с мелкими блестками камень. Глядят на карту. Белая Антарктида... Почему черный? Нагнулись, ковыряют ногтем. Камень из Антарктиды...

А в это самое время в самолете, который уже четыре часа летит над белой Антарктидой, отец Андрея Духанина рассказывает историю черного камня.

* * *

17 марта 1963 года в 7 часов 32 минуты радист Мирного прижал руки к наушникам. «SOS! SOS! – пищала морзянка. – Ураган. Оба самолета разбиты. Лагерь полностью уничтожен. Ждем помощи. Следите нас в нолевые минуты. Будем пыта...» – наушники замолчали. Радист лихорадочно крутил ручку. Молчание. Полетели сигналы: «Ричардсон, отвечайте, отвечайте... Ричардсон...» Молчание.

Через пять минут Мирный был на ногах. К Земле Эндерби вылетел самолет. Две тысячи километров...

* * *

Земля Эндерби. Если бы поглядел на нее космонавт с высоты, он увидел бы белую землю и странные точки по белому. Геолог у этих «точек» внизу показался бы муравьем. Лед на Земле Эндерби проткнули скалистые пики. Их зовут нунатаки. Лед не много расскажет ученому об истории Антарктиды. А камни расскажут. Камни расскажут, чем богата теперь Антарктида. Уже несколько лет по Земле Эндерби ходят геологи. Основная база у них на станции «Молодежная». Но живут постоянно на озере Ричардсона. Они не нахвоятся озером. Кругом бури, а тут тишина. Антарктический ветер не пускает сюда горная цепь. Чистый лед. Солнце. На льду семь палаток: жилье, радиостанции, кухня. Шестнадцать человек живут на озере – восемь летчиков, радист, трое ученых и четыре геолога. Каждый день поднимаются два маленьких оранжевых самолета и увозят людей к нунатакам. На земле остается только радист. Он должен знать, где в эту минуту находится самолет. Самолет летит двести – триста километров. Аэросъемка. Наблюдение местности. Потом геолог кладет руку на плечо летчику. Осторожно выбирается место. Самолет садится возле горы. К ней не просто добраться. Геологи берут ледорубы, веревки. Возвращаются усталые, с рюкзаками камней. Делают пометки на картах. Самолет поднимается, ищет еще один нунатак. В день шесть – восемь посадок. Вечерами оба самолета возвращаются к озеру. Бывают задержки из-за погоды. Даже ночевать оставались возле горушек – лежали в самолете в спальнях мешках. А чуть погода – скорее домой, к Ричардсону. Был случай – сломали о камни лыжу. Пришлось на одну садиться.

В доме у радистов висит любовно разрисованный лист. Все тут представлено: материк Антарктида, пароход, самолеты и вездеход, пингвины, антенны и, конечно же, весь наличный состав радистов – одиннадцать человек.

Вечером все собираются вместе. Для геолога вечер – самое лучшее время. Руки согревает железная кружка с чаем. Сюда, в Антарктиду, кто-то привез гитару. Тихий разговор. В руках черный шершавый камень. Если его долго держать в ладони, камень становится теплым. Сколько уже рассказали эти шершавые камни! Отпечаток стеблей на угольной глыбе... Значит, не всегда были только снега. Значит, шумели леса, пели птицы. Горный хрусталь. Граниты. Слюда. Думают, нефть должна быть. Алмазы...

* * *

Ночью 13 марта перед тем как залезть в спальный мешок, летчик Александр Бутынков показал на пингвинов:

– Почему они убегают?

Уснуть не успели. Задрожали палатки. И все кругом наполнилось странным шумом. В минуту скрылись Луна и звезды. Ветер рвался на озеро сквозь щербину в горах. Минута – и уже нельзя стоять на ногах. Самолеты стали двигаться, как игрушки. Стена ветра навалилась на озеро. Вот крайнюю палатку рвануло и, как платок, унесло. Полетели фанера, ящики, покатались баллоны с газом, как монеты, катились по льду банки консервов. Грохот и свист снежного ветра. Вторую палатку смяло – согнулись опоры из алюминия. Скорее, скорее спасти самолеты! Один самолет закружился волчком – с «мясом» из хвоста вырвало лыжу. Ползком, втыкая отвертки в лед, добрались к самолетам. Чудом подняли в кабину бочки с бензином. Две бочки привязали под крыльями. Самолет присмирел, но жалобно стали скрипеть нижние крылья. Вот крылья обвисли – самолету уже не подняться. Кто-то стонет?! Штурман Игорь Гончаров упал от удара санями. Перелом ноги. Темно. Лежали, ухватившись за вбитые в лед отвертки и ледорубы...

Ночью все спят, не спит только дежурный радист.

Кончилось все так же быстро, как началось. Появились Южный Крест и Луна. Озеро Ричардсона опять было самым спокойным местом в краю Эндерби. Валялись разбитые ящики, приборы, продукты. Стонал раненый летчик. Оглядели машины – один из самолетов мог полететь.

Улетели ученые, летчики и трое геологов. Радист Александров, четверо летчиков и геолог Вячеслав Духанин остались. Поздно вечером самолет вернулся и сел при свете ракет. Восемь человек стали думать, как поступить с лагерем. Синяя тишина стояла над озером.

* * *

17 марта пингвины опять побежали из лагеря. Опять в расщелине гор появился угрожающий свист. Единственный самолет... Скорее, как можно скорее его привязать. Концы троса заморожены в прорубях. За каждый крючок зацепились и даже поперек фюзеляжа кинули трос. Положили под него три спальных мешка.

Вторая волна урагана накрыла озеро низкими облаками. Никто из восьмерых никогда не знал, что ветер, как пустые жестянки, может катать тяжелые бочки с бензином. Уже нет ни одной палатки. И будто их не было. Радиостанция! Черные ящики, как хоккейные шайбы, мотало по льду. Листы войлока, фанера, ящики, железные раскладушки... Скорее, скорее в

камни – укрыться от этих летающих, как торпеды, обломков. Ползком до камней. Сбились в кучу. На глазах самолеты превратились в обломки. Один, как птица, взмахивал крыльями. Вырвало шасси. Самолет повалился на брюхо. По фюзеляжу потекли темные пятна бензина.

Утро принесло свет, но ветер не утихал. Лагеря не было. Не было самолетов. Не было радио, пищи, огня, крыши. Восемь человек лежали в куче, ухватившись за камни и за плечи друг друга... Наступал день, надо было думать о жизни.

Началась охота за обломками досок, за банками с рыбой, за войлоком, за гвоздями. Ползком, теряя находки, возвращались к камням. Нашли обломок ящика с десятком яиц. Как могли уцелеть? У большого валуна начали сбивать доски, фанеру. Получилось что-то вроде садового шалаша. Шалаш скрипел и был готов улететь. Тепла не было, но уже не до самых костей пронизывал ледяной ветер. Показалось, что ветер ослаб. Два смельчака, держа друг друга за руки, ползком двинулись к самолету. Нырнули в кабину. Движок... Рация... Можно ли запустить? Запустили движок. Надеждой загорелись лампочки рации. «SOS!.. SOS!.. Оба самолета разбиты. Лагерь полностью уничтожен. Ждем помощи. Следите нас в полевые минуты. Будем пыта...»

Шестеро за камнями видели: шквал урагана приподнял хвост, на секунду поставил самолет «на попа» и через винт бросил на спину. В самолете были бочки с бензином и двое людей. Как можно скорей к самолету! С трудом приоткрыли дверь...

– Володя! Сашка!

Радист Александров поднялся. Механик Бутынков – в хвосте, придавленный бочкой бензина. В самолете все вверх ногами. Все, что было привинчено к полу, повисло вверх: скамейки, печка, движок. Выбрались к люку, спустили на руках Бутынкова. Поползли. Двести метров от самолета до скал... Механик стонал – бочка помяла грудную клетку, сломала ребра, вывихнула плечо...

Андрей Федорович Трешников, участник экспедиций в Арктику и Антарктиду, легендарный полярник.

Мой земляк Борис Беликов.

Сплошная пелена свистящего снега. Вправили плечо Бутынкову. Стонал, стиснув зубы. Вскрыли бортовой паек, захваченный с самолета. Ухитрились кофе сварить. Больные приободрились.

На озеро опустилась ревущая ночь.

Самолет из Мирного спешил на Землю Эндерби. Непогода и ночь посадили его на австралийскую станцию Моусон. Утром он вылетел...

Дизель-электроход «Обь», узнав о бедствии, изменил курс и повернул к Земле Эндерби.

Москва каждые десять минут запрашивала: Антарктида, как люди? Где самолет?..

Радисты Мирного не снимали наушников. Озеро Ричардсона молчало. И вдруг радист опять приложил ладони к наушникам: «Живы!» И застучал ключом: «К вам идет самолет. К вам идет самолет. Попробуйте связаться. Попробуйте связаться...»

* * *

На Ричардсоне радио заработало во втором разрушенном самолете. Он весь пропитался бензином. Боялись взрыва. Долго махали фуфайками – разгоняли пары. Наконец запустили движок. Мирный сразу откликнулся. Потом услышали самолет. Сначала по радио, потом гул моторов за облаками... Самолет никак не может увидеть лагерь. Мигом в кучу обрывки палаток, одежду. Облили бензином. Самолет увидел дым, пошел на посадку...

– Мешкать было нельзя – в горах опять засвистело. Перенесли в самолет раненых. Я подхватил сумку с картами, мешок с камнями. Ведь ради этих камней и сидели на Ричардсоне... И вот опять за камнями, – Вячеслав поглядел на фотографию сына. – Смешные мальчишки...

В государстве одни «императоры»...

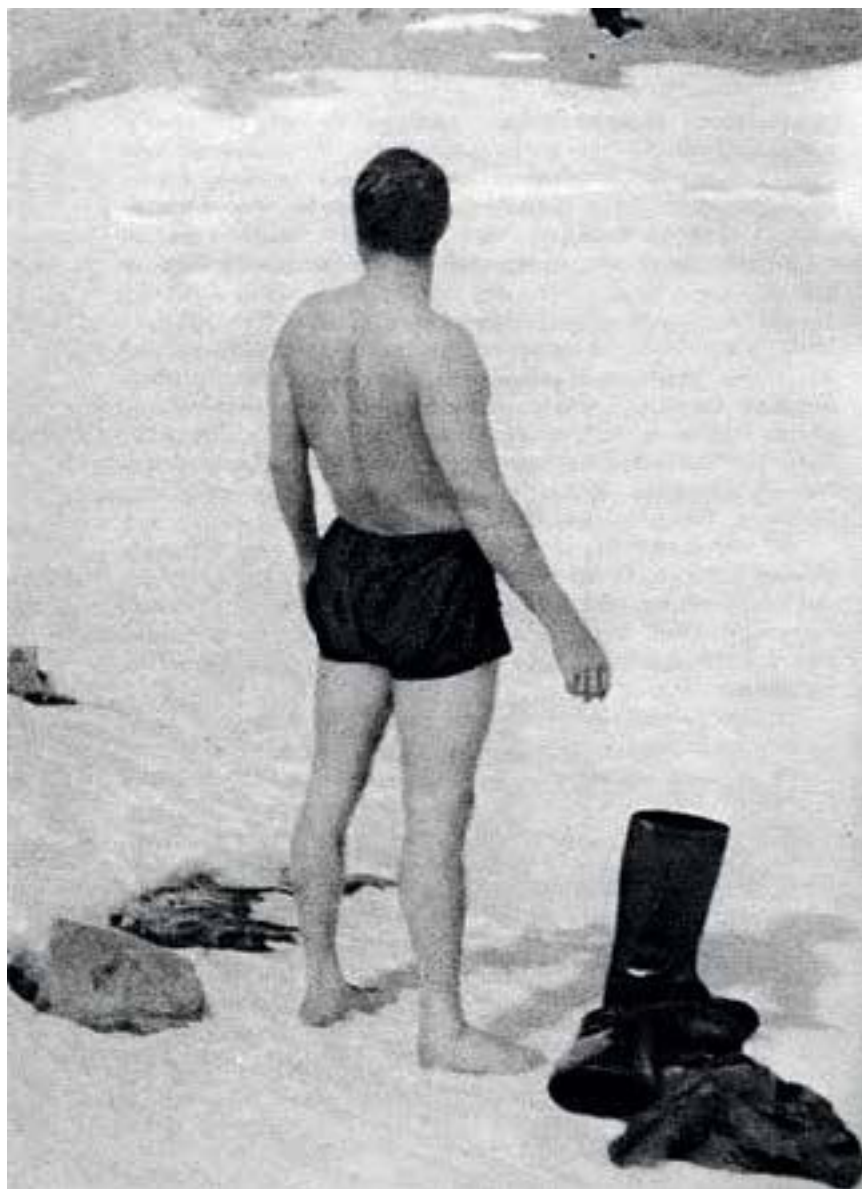
В этом государстве нет подданных – одни императоры. Несмотря на высокую знатность, пропитание добывают самостоятельно. Детей нянчат сами. Войны ни с кем не ведут.

К чужеземцу относятся равнодушно. Но если протянешь руку погладить, получишь удары и надолго запомнишь эти удары. Речь идет о пингвинах. О самых интересных из всех пингвинов (а их семнадцать видов!), об императорских пингвинах, или, как говорят в Мирном, об «императорах».

Потешные птицы меньше всего похожи на птиц. Скорее это дельфины. И уж, конечно, это самая любопытная из всех птиц, какие живут на земле. Пингвины – единственные существа, пережившие оледенение теплой некогда Антарктиды. Природа проявила бездну изобретательности, чтобы приспособить антарктических аборигенов к жизни на льду. Одежда – черный фрак и сорочка, – походка и вся осанка делают их похожими на человека. В их повадках много смешных человеческих черточек. Наблюдать «императоров» ни с чем не сравнимое удовольствие. Придешь утром, уходишь вечером. Снимаешь одну, две, шесть пленок. Снимаешь, пока не останется ни одного кадра. Кинооператор Кочетков лет семь назад поставил даже палатку рядом с государством пингвинов, чтобы далеко не ходить. Снимал, снимал... Получился хороший фильм. Я смотрел его четыре раза подряд. Этот фильм заронил зернышко большого желания побывать в Антарктиде. Зернышко проросло. И вот (бывают же чудеса!) я стою посреди пингвиного государства. И только что за излишнее любопытство получил лапами по рукам от одного видного «императора».

Запись голоса этого молодца мы привезли с собой в Москву.

Но в Антарктиде можно и позагорать.

* * *

Государство пингвинов я первый раз увидел с самолета. Колония, похожая сверху на пригоршню рассыпанных семечек, волновалось. Я уже слышал: совсем небоязливые птицы смертельно боятся самолета и особенно вертолета. В чем дело? Может быть, когда-нибудь, очень давно, жили в этих краях большие хищные птицы? Может быть, «живая кибернетика» «императоров» до сих пор хранит память о воздушной опасности? А может, в самолете пингины видят нынешнего своего врага – поморника, только большего по размерам?

От Мирного к «императорам» надо пройти пять километров. Они спрятались от ветра за старым, покрытым снежной глазурью айсбергом. Километра за два слышишь смутные звуки, похожие на концерты болотных лягушек. Потом кажется – подходишь к гусиной стае. Ветер доносит совсем не парфюмерные запахи императорских будней. А вот и первый гражданин государства. Спит или мертвый? Лежит, уткнувшись головой в снег. Вскочил, растерянно огляделся, но, вспомнив о своем чине, пошел медленно, с достоинством перевалива-

ясь из стороны в сторону – министр! Великолепный черный костюм. Рубашка белее снега. Брюшко – спортом, видно, не занимается.

Вот еще двое. Полная неподвижность. Чуть-чуть касаются грудью. Клювы подняты вверх. Это любовь. Как все влюбленные, не замечают ни шума наших шагов, ни крика поморников. Убеждаемся позже: могут стоять и час, и два. А государство живет в это время по своим пингвиным законам.

Лето. Почти все взрослое население отправилось на курорт. Это недалеко. Сутки пешего перехода на север. Море, солнце. Прекрасная столовая – рачки, рыба, мелкие осьминоги. Правда, глядеть надо в оба, иначе и сам попадешь на стол морскому леопарду или киту-косатке. В государстве остались только «императоры»-няньки и подростки. Детям еще не сшили ни рубашек, ни фраков. У всех одежда из серой пушистой байки. Ростом молодое поколение уже догнало метрового «императора»-няньку. Однако дети есть дети – пои, корми. Постоянный крик: «Экю! экю! экю!..» – Мотают головой сверху вниз – «хочу есть»! «Тэ-тэ-тэ-э-э!» – отзываются няньки. Взрослая песня похожа на бормотание курицы в марте где-нибудь на теплой мякине, только более громкая, и металл в голосе у певца. Голодный подросток подходит к няньке. Та наклоняется. Подросток сует голову в раскрытый клюв и быстро-быстро глотает белую кашу. А справа и слева бесконечные жалобы алчущих: «Экю! экю! экю!..»

Конечно, пятистам нянькам не прокормить ораву почти уже взрослых прожорливых молодцов. Няньки идут на курорт поправляться. На их место возвращаются отдохнувшие и разжиревшие. Все государство молодняка медленно, день за днем подвигается к морю. Няньки смотрят, чтобы по неразумности кто-либо не забрался под айсберг, который вот-вот обвалится. Надо глядеть, чтобы подростки не лезли в трещины и вообще вели себя, как подобает пингвинам.

Есть в государстве, понятное дело, свои ученые-землепроходцы. Держатся поодаль, как раз там, где айсберг готовится обвалиться, или в трещину стараются клюв просунуть, или так просто по снежной равнине идут вразвалку, или спят, уткнувшись в снег головою. В одиночку всякая живность пугливее. Подходишь – не теряя достоинства, покажет черную спину. Прибавишь шаг – чихнул на возраст и ученое звание, ложится на белое брюхо и, быстро-быстро работая веслами-ластами, скользит по снегу поближе к стае. Вместе со всеми не страшно.

В разгар лета – в середине декабря молодежь получает наконец долгожданные черные фраки. И все государство ускоренным маршем направляется к морю. Там одетые с иголки птицы ныряют со льдины в синюю воду. Кончилось детство. Теперь уже сам лови рыбу, кальмаров и не спи, когда появится прожорливый леопард...

В конце марта, когда пурга начинает свистеть в трещинах айсбергов, у Хасуэлла появляется первый пингвин-разведчик. Зима. Через месяц все государство пингвинов собирается на лед к родному острову. И все повторяется сначала, как тысячи лет назад. Жених выбирает себе невесту. У молодой пары появляется одно-единственное яйцо. А морозы – пятьдесят градусов и пурга – соседа не видно. Попробуй уберечь одно-единственное. Берегут. Яйцо лежит на лапах и сверху прикрыто складкою живота. Надо пройти – идет вместе с яйцом. Яйцо величиною с очень большую картофелину, и путешествие, даже недаленое, – дело совсем непростое. Если надо идти кормиться – яйцо забирает супруг. Море-столовая зимой отодвигается далеко. Два километра пингвиного хода в час – через сутки будешь у моря. В самую лютую стужу высиживают, а вернее сказать, выстаивают «императоры» одно-единственное яйцо. Чуть проморгал – покатилося, треснуло от мороза, или соседка, давно уже потерявшая свое кровное, хватает чужое яйцо. Попробуй отнять – драка! Что с возу упало – то пропало. Теперь одна надежда – «усыновить» чужое яйцо. Такая возможность есть. Пятнадцать тысяч соседей – кто-нибудь всегда зазевается.

В самое лютое время появляется новый абориген Антарктиды. Совсем голый. Смирно сидит на лапах у матери, прикрытый складкою живота. Потом первые шаги по земле. А мороз по-прежнему сорок и пятьдесят. И пурга. Пуховые шарики сбиваются в кучу. Взрослые тут же, около «детского сада», прикрывают от ветра, всегда готовые накормить. Тут уж не разобраться, где свой, где чужой. Кормят любого, кто просит. Детская смертность в государстве сплошных «императоров» очень большая. Более половины птенцов не доживают до черного парадного фрака. Тут даже и заболеть очень опасно. Чуть ослаб – смерть к тебе опускается сверху на больших крыльях. Поморник. Схватил – поминай, как звали пингвина.

Очень забавная птица. Однако не думайте, что встретишь их в Антарктиде на каждом шагу. На две тысячи километров ледового побережья – всего три государства пингвинов. Мирянам повезло, в любое время иди и любуйся: пятнадцать – двадцать тысяч птиц почти у порога.

* * *

Как грачи, многочисленны в Антарктиде пингины адели. Они забредают иногда в гарнизон «императоров». Мечется суетливый школьник-мальчишка между спокойными и сановитыми людьми. Надоест всем. Получив пару щипков, убегает в свою колонию. Адели селятся на каменных островах и появляются только весной, когда камни приятно греют замерзшие лапы. Можно строить гнезда из камешков, можно класть яйца. Появились адели – значит, пришла весна в Антарктиду.

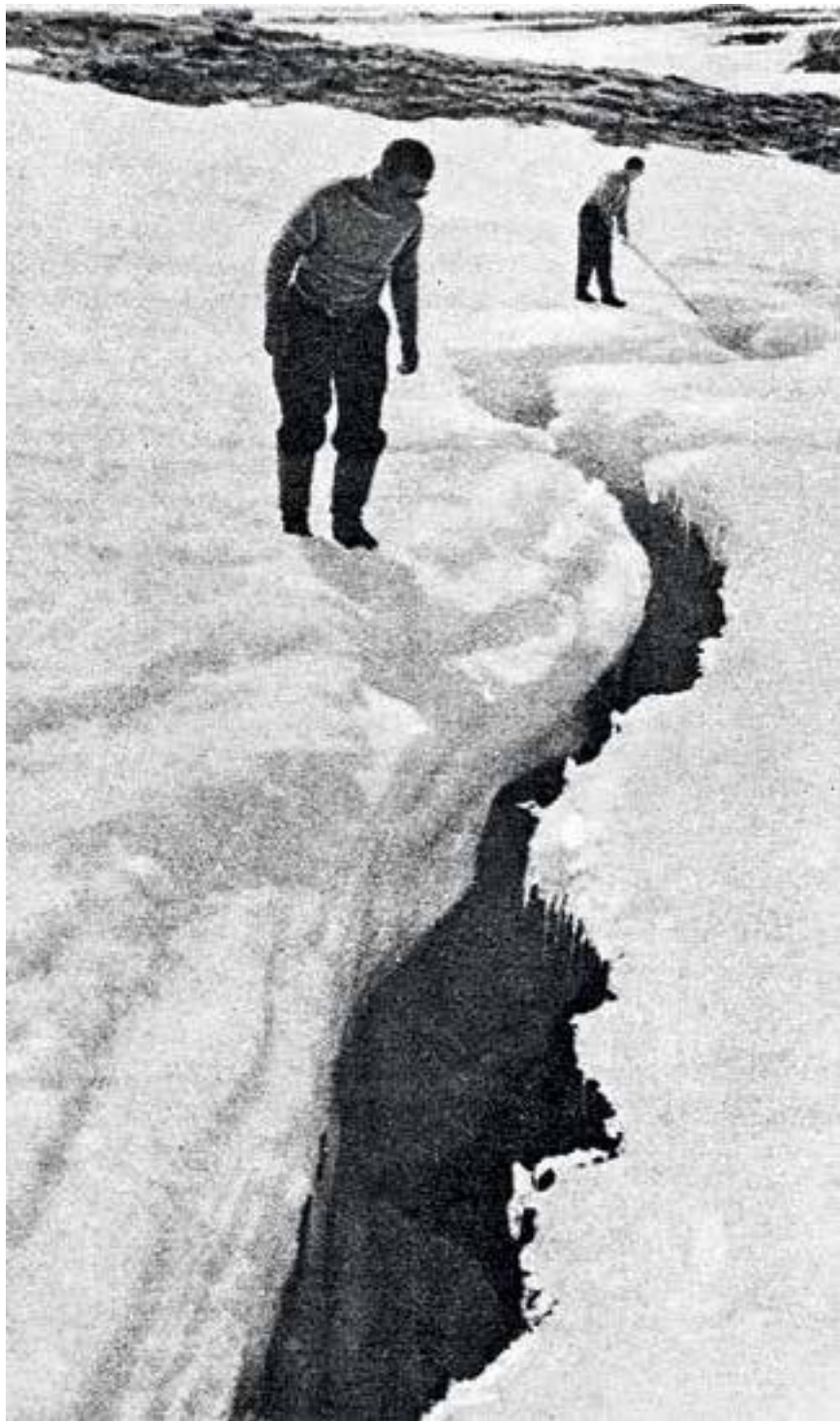

Трое австралийцев на станции Моусон сгорают от нетерпения – русские прилетели!

«Император» покидает государство только по великой нужде – надо идти кормиться. Адели постоянно бродят вдоль побережья просто из любопытства. Незнакомый предмет – несутся к нему сломя голову. Иногда идут, тито покачиваясь. Если посмотреть вслед – точь-в-точь старушки на богомолье бредут. Забегают адели на летную полосу – глянуть на самолеты. Ходили в поселок. Но собаки в Мирном их кое-чему уже научили. Теперь обходят Мирный сторонкой. Приход корабля – большая сенсация для пингвинов. Снимаются целым лагерем, подходят к самому борту. Непременно попытались бы забраться на борт, но слишком круто и высоко.

На елке у нас аделка, нареченный Парамоном по случаю Нового года, очень быстро заскучал по родной Антарктиде. Под елкой сделали для него что-то вроде загона. Полчаса, изредка протестуя, слушал Парамон стук тарелок и музыку. Потом, когда в комнате стало жарко, поплыл к потолку синий табачный дым и открыли бутылки с духовитым напитком, Парамон решил бежать из неволи. Чуть-чуть не повалил стол вместе с елкой. Вынесли Парамона. Раскрыл клюв, жадно глотает воздух. Пустили. Полминуты соображал, потом хватил курсом на север. Бежит. Упадет на брюхо, гребет лапами, потом снова бежит.

– Ну, будет теперь рассказов на островах Хасуэлл...

Вот так выглядят в Антарктиде жуткие трещины.

В новогоднюю ночь было много хороших тостов. Кто-то предложил выпить и за пингвинов. Забавные птицы делают пребывание человека в пустыне менее тяжким. Человек видит рядом с собою жизнь. А это очень много значит для человека.

Шестеро за столом

Кают-компания четыре раза собирает нас вместе: завтрак, обед, ужин, кино.

Приходим мокрые от пота и снега. Вешаем на крюки кожаные доспехи – и за столы. Шесть человек за столом. Рождается что-то вроде застольной дружбы.

Вот первый застольный товарищ Вася Кутузов. Он повар. И, как все повара, за стол почти не садится:

– Ну как, ребята?..

Это значит – Вася знает сегодня цену котлетам и пришел пожинать лавры. Но ребята настроены пошутить:

– Вась, а ну покажи подошву?

Доверчивый Вася поднимает сапог.

– Ну, так и знал, подошву сготовил. Разве это котлеты!

Большей обиды нельзя придумать. Вася со стуком бросает ложку и уходит на кухню. Сейчас на кухне будет громкий, на всю столовую, разговор о том, какие хорошие ребята были на дизель-электроходе «Обь». Что ни сготовишь – все хорошо. Васю Кутузова уговорили остаться в Антарктиде, когда пришел на «Оби» в качестве главного кока. Вася отпустил шикарную бороду и, когда снимает халат, очень похож на попа из небогатого деревенского прихода. Его искренне любят, и шутят потому только, что надо над кем-то и пошутить.

У повара ко мне особое отношение. Обязательно сядет рядом, поставит пару компотов:

– Пишешь?

– Пишу, Вася.

– Да-а... Я вот тоже пару мемуарчиков жене написал...

Вася приготовил два письма для жены. Но хочется ему как-нибудь по-особому назвать описание антарктической жизни. Тут и подвернулось словцо – «мемуары».

– Ты мне скажи, тезка, как это сделать, чтоб принимали в газету заметки? Чтоб написал, и сразу приняли?..

Вася признается: уже три раза, возвращаясь из плавания, робко ходил в газету.

– Понимаешь, прочтут – и «Нет, не подходит». Ты, говорят, просто пиши, не по-газетному...

Вася чувствует: в нашем газетном деле есть какая-то тайна. Каждый день он ставит на стол пару компотов и простодушно начинает выведывать эту очень нужную ему тайну.

* * *

Александр Яковлевич Марченко. На куртке у него дырочка. Носил в Москве Звезду Героя. Тут снял. Неловко ходить со Звездой в Антарктиде. Он начальник отряда у летчиков. По-моему, тяготеет своей должностью. Мягкий, немного застенчивый человек. Такие предпочитают оставаться всегда рядовыми.

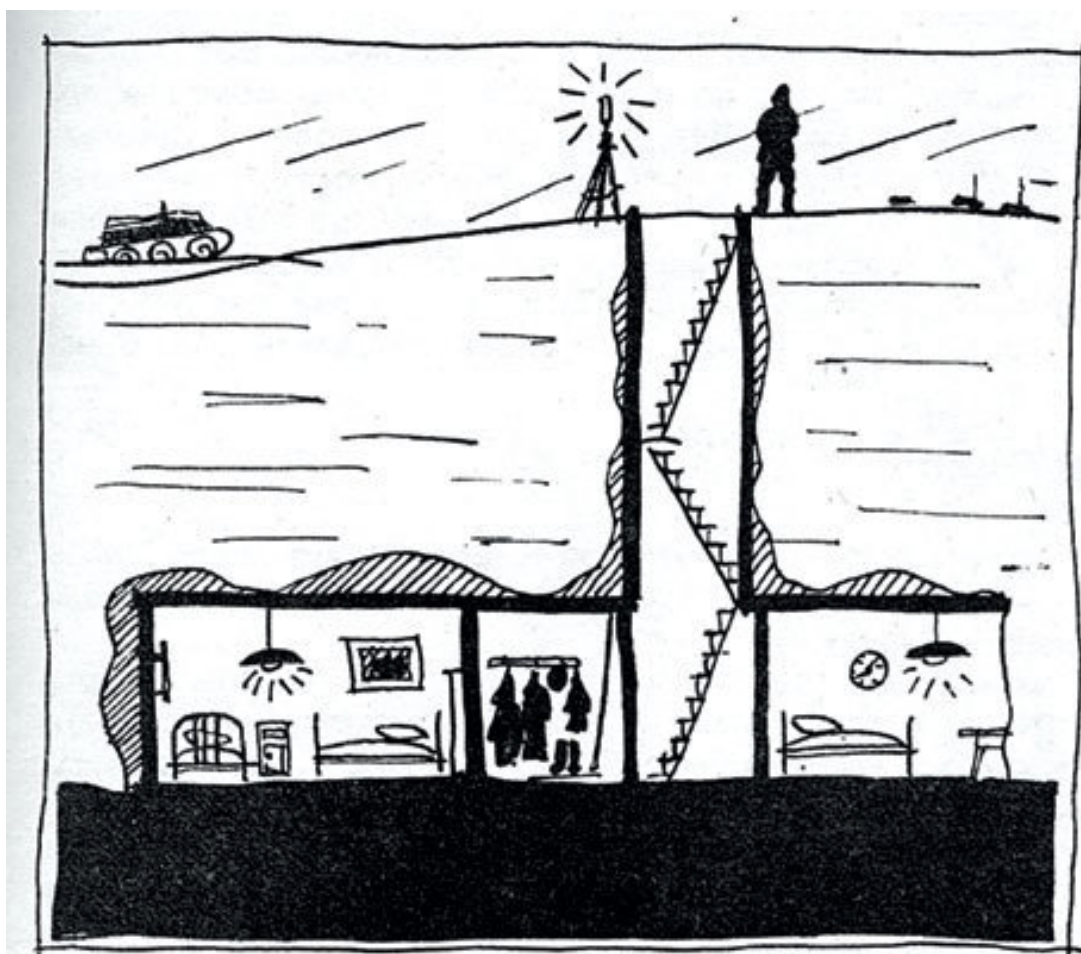
Три дня назад мы летели с ним вглубь Антарктиды. Он передал штурвал второму пилоту. Сел у окошка, задумчиво глядит на поземку под крыльями:

– Шесть часов. И до Берлина вот так же было: шесть туда, шесть обратно...

– Александр Яковлевич, а какой день был самым трудным в жизни у вас?

Долго добросовестно вспоминает:

– 26 августа 1943 года. Бомбил родной город. Енакиево. Немецкие танки скопились. Вижу свою улицу. На ней как раз больше всего. Вижу свой дом. Вижу, в саду на веревке белье сушится. В доме, знаю, мать, сестренка, больной отец.

под снегом
Это наш дом. Стройбаракула
его нельзя. Пришлось маршевать.
Когда маршевал, спохватился: а где
не божка? Божку надо было мар-
шевать посреди команды, ноги
под машинной. Но, что застряло,
это пробалины. А герное — это скала,
на которую ставили дом.

Рисунок Василия Пескова.

Захожу в пике — в глазах темно. Рядом заходят товарищи с бомбами...

Три дня как пьяный ходил. Город освободили. Командир эскадрильи сразу сказал: езжай! Подхожу к дому — ни окон, ни дверей. Горелые танки стоят. Вижу, идет из сада поседевшая женщина... Пошел навстречу: мать!.. Живы остались все трое, в окопе в саду отси-делись.

— А тут, в Антарктиде, были трудные дни?

— Конечно, были... — Глядит в окошко. Под крыльями — поземка. — Были. У кого их тут не было...

* * *

Третий за нашим столом Ильяс Белялович Абушаев.

– Ильяс Белялович, вы, наверное, опять приедете в Антарктиду?

– Может, приеду, может, нет. Мне все равно работать – что в Мирном, что в Монино.

В Монино под Москвой у Ильаса семья. Он работал бульдозеристом. Позвали в Антарктиду работать. Поехал. И ездит уже четвертый раз.

Ильяс может сутки не вылезать из бульдозера. Такое случается в Антарктиде. Ждут самолета, а полосы нет. Вот Ильяс и утюжит.

– Как работает! Вы должны поглядеть, как работает! Скажи: вершок снега снять надо – вершок и снимет. Скажи, надо побриться – побреет бульдозером. – Бульдозерист Николай Романов говорит об Ильасе, как говорят в театре об уважаемом и очень талантливом артисте.

Я чувствую: в деле бульдозеристов тоже есть какая-то тайна, и когда, пообедав, Ильяс надевает здоровенные рукавицы, прошусь к нему на бульдозер.

Самолетов здесь ждут, как тепла...

Любая машина имеет отдых. Бульдозер в Антарктиде отдыха не имеет. Постоянная война со снегом. То чистит полосу, то самолет замело, то надо откапывать склад, то трактор вдруг под снегом исчез – и все забыли, где он стоял. Выручает Ильяс. Он все помнит. Начинает ворочать снег. И трактор появляется на свет божий – ни царапинки...

Ильяс небольшого роста. Когда надо передвинуть тяжелые рычаги, Ильяс поднимается на ноги. А поскольку рычаги надо двигать все время, он почти не садится в кабине. Любое дело в Антарктиде тяжелее в три раза. Я не мог понять, почему этот человек не валится от усталости, отстояв в кабине десять часов. Сидит в столовой веселый. Только к бачку со щами подходит непременно два раза. А после ужина вдруг снова видишь его на тракторе.

– Ильяс, почему не в кино?

– Ребята попросили маленько отчистить. Крыша в доме трещит...

* * *

Николай Пройдаков... Для всех мирян, живущих под снегом, я придумал и записал в книжку шутивное прозвище: «Подснежники». Применительно к Николаю это прозвище сразу вызывает улыбку. Большой, угловатый. Нижнюю губу ему солнце так разукрасило, словно побывал в переделке.

Вчера Николая в партию принимали. Красный стол. Нет обычных для кают-компаний шуток. Николай стоит, мнет шапку.

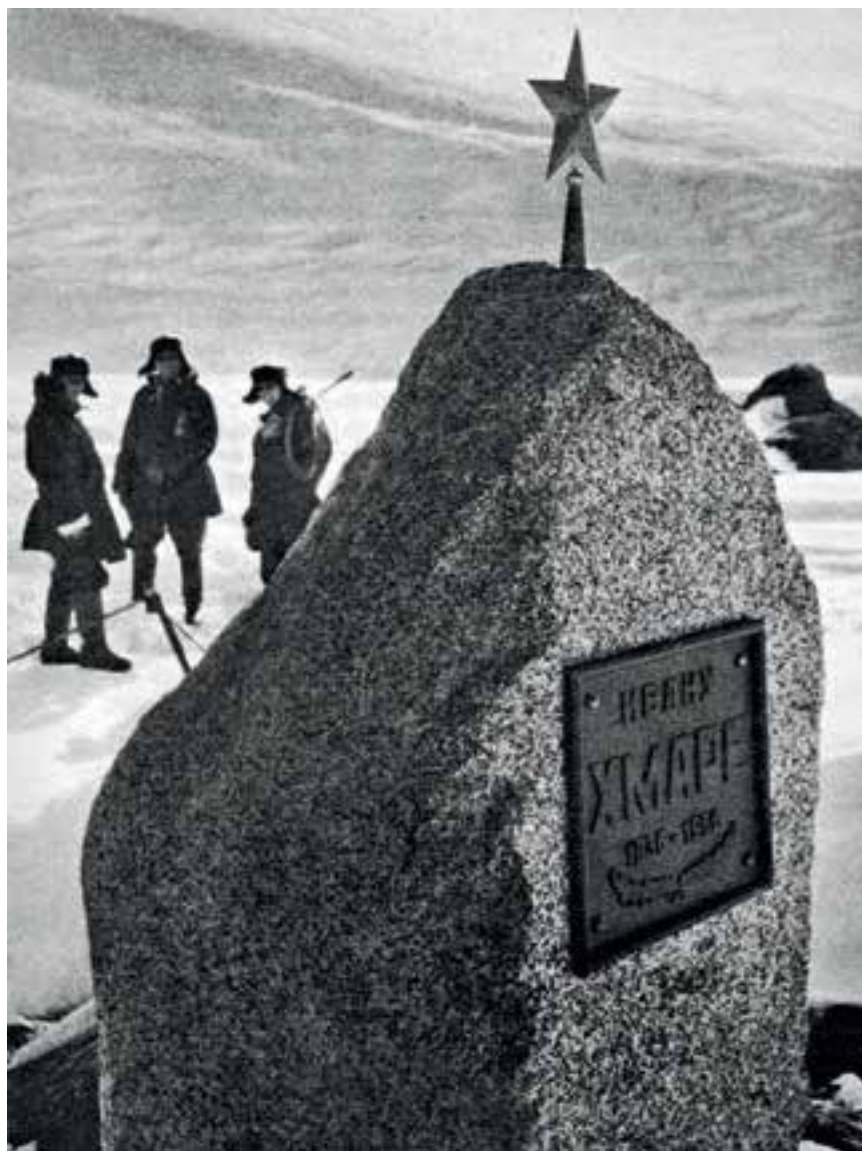
– Ну, расскажи о себе...

– Значит, так... Родился в Сибири. В школу, считай, не ходил. Награды имею такие: орден Славы и медаль. Работаю в транспортном отряде, плюс дали нагрузочку – ухаживаю за известными вам животными.

Известные нам животные – шесть здоровенных свиней. Они живут на отходах нашей столовой. За ними надо было ухаживать. А кто возьмется сельское хозяйство вести в Антарктиде? Пришлось поручить Николаю. Он немного стеснялся неожиданной в Антарктиде должности свинаря. Но дело есть дело. Шесть поросят, купленных на рынке в Кейптауне, на хороших харчах превратились в шесть дородных хавроний. Одна из них неделю назад умерла насильственной смертью. В обед мы пришли к единодушному заключению: мороженое мясо есть мороженое мясо, а свежая свинина есть свежая свинина.

– Коля, никакого сравнения! – и показываем большой палец.

Механик-свинарь именинником ходит...

Ивану Хмаре, погибшему вместе с трактором в ледяной полынье.

* * *

В первый день прилета в Антарктиду я снимал пингвинов на острове Хасуэлла. Опасаясь, видно, что я наступлю на гнездо, один пингвин больно ущипнул меня сзади. От неожиданности я уронил на камни аппарат.

– Чепуха, сходи к Сироткину, – сказали летчики.

– А он кто?

– По должности – водопроводчик...

Я с некоторой опаской прошел мимо большой наковальни, мимо лыжи от самолета, перешагнул груды железа и оказался в комнате-мастерской.

Седой человек лет сорока поднял над глазом монокль, потрогал кнопки на моем аппарате.

– Хорошо. Вечерком заходите.

Так я познакомился с Андреем Сергеевичем Сироткиным. Аппарат работал исправно. Но я еще много раз заходил в мастерскую, чтобы поглядеть на работу водопроводного мастера.

Заходят в мастерскую два штурмана, кладут на стол два астрокомпас самолётов Ил-18.

– Не знаем, что делать. Так собраны на заводе – в Южную Америку улетим вместо Европы.

Водопроводчик поднимает монокль, молча разглядывает сложные астрокомпасы.

– Хорошо. Вечерком заходите...

Проходит геофизик Петя Астахов, ставит на верстачок ящик. В ящике – еще ящик, потом еще. А там – сверхточный хронометр. Надо его перестроить, чтобы замыкал ток один раз в девяносто секунд.

– Хорошо. Посмотрю...

Геофизик облегченно вздыхает:

– Андрей Сергеевич, за эту штуку в Ленинграде мастера не брались...

В мастерской по соседству с пинцетами большие тиски, кузнечная наковальня и какой-то прибор, спрятанный под стеклянный колпак. Полный десяток готовых и еще не готовых заказов: часы, кинокамера, мясорубка, машина для проявления пленки, зажигалка, секундомер, пишущая машинка, объектив, машина для бурения льда. В городе это богатство пришлось бы поместить в пяти мастерских. Тут все делает один человек.

– Водопроводчик... Это что, в шутку?

– Да нет. У него главное дело – вода, отопление. А это так, между прочим...

* * *

И еще один человек за нашим столом – штурман Тихон Михайлович Палиевский. Его комната по соседству с моей в доме под снегом. У штурмана всегда наготове душистый чай. Можно ворошить старые полетные карты и колоть орехи куском песчаника с острова Хасуэлла. Сегодня Тихон Михайлович лежит на кровати, задрав кверху ноги, и, кажется, в пятый раз читает радиogramму от друга, который летает где-то над Северным полюсом. Тихон Михайлович тоже летал над Северным полюсом. Третий год летает у Южного полюса.

Колем орехи. Говорим о жите-бытье в Антарктиде.

– Был у меня полет... Не знаю, седые волосы появляются постепенно у человека, или сразу в какой-нибудь час? Этот полет был два с половиной часа. Самые трудные полтора-два минут в моей жизни. Все до мелочи помню. Угол сноса был двадцать четыре градуса, число – 24 марта... Много летали, а в тот раз подумали: конец, будут ребята справлять поминки...

Надо было срочно вывезти людей со станции «Комсомольская». Это по дороге к «Востоку». Километров сто не дошел – вышло горючее. Мороз под семьдесят. Летать нельзя. Но если не вывезти, люди погибнут. Полетели. Пилотом был Яков Яковлевич Дмитриев. Сели около поезда. Быстро посадили людей. Взлетать нельзя – обнаружили неполадку. Представляешь, что за ремонт при таком-то морозе! Целый день провозились. Потом пять часов грели моторы. Бензину осталось – только-только добраться до «Пионерской». Это первая станция между Мирным и «Комсомольской». Вся станция – один домик в снегу.

Ночь. Даем полный газ – машина ни с места. Снег от мороза сделался, как песок, не идут лыжи, и все. Собрали фуфайки, все лохмотья, какие были. Уложили на полосу, облили бензином. По этой полосе и взлетели. А ночь приготовила еще одну «радость» – шторм! Переглянулись с пилотом: да-а... Чернильная темень. Где земля, где небо... Огоньков на крыльях не видно. По радио чувствуем: Мирный волнуется. «Пионерская» тоже волнуется. А нам нельзя волноваться. Собрался в комок, считаю километры, скорость и угол сноса. Выйти на станцию – все равно что маковое зерно на полу в темноте разыскать. А на земле

уже настоящая буря. В Мирном не чают увидеться с нами. Подбадривают. По этим бодрым словам чувствуем: положение – хуже некуда...

Загораются красные лампочки – горючего остается минут на десять. По всем расчетам станция должна быть где-то внизу. По-прежнему ни огонька. Прибор показал: проходим радиостанцию. Значит, полоса прямо по курсу. Днем бы мы увидели два ряда бочек. Теперь эти бочки для нас страшнее торпед. Берем круто в сторону. Высота – сорок метров... еще меньше... Не видя земли, опускаемся в темноту. Удар. Тряска. Стрелка альтиметра дрожит на нуле. Земля! Никто ни слова. Открываем дверь – сущий ад, снежный ветер с ног валит. Не выключаем прожектор – может, увидят? Сами видим только ревущую темноту. Нас увидели. Подходят люди, держатся за веревку, чтобы не потеряться. Врач Володя Гаврилов первым вскарабкался в самолет: «Живы?!» Обнимают, чуть не плачут от радости. «Мы вам дали шестьдесят восемь ракет...» – «Мы ни одной ракеты не видели...»

– Вот какие бывают минуты... – Тихон Михайлович берет камень, колет пару орехов. Потом опять читает телеграмму от друга из Арктики. С телеграммой и засыпает...

* * *

Шесть людей за нашим столом. Шесть человек, без выбора, из тех, которые зимовали в Антарктике.

Волосан.

Судьба упряжки

В кают-компании зашла речь о собаках.

– А вы знаете историю на станции Сева?..

Японская станция Сева приютилась на антарктическом острове в двух тысячах с лишним километрах от Мирного. Там жили одиннадцать зимовщиков и пятнадцать ездовых

собак. На станцию двигалась смена. Но ледокол «Соя» поломал во льдах винт и запросил по радио помощи. Американский корабль вывел «Сойю» из ледовой ловушки. О высадке смены нельзя было и думать – на станции кончились продукты, а запас аварийный унесло вместе с айсбергом, на который продукты выгрузили. Надо было спасать людей. Портилась погода. Легкий американский вертолет сумел два раза приземлиться на острове. Одинадцать зимовщиков удалось вывезти на корабль. Третий раз вертолет с корабля не поднялся. Бросили имущество, приборы, и самое главное – на привязи осталось пятнадцать собак.

В японской печати поднялась буря. Общество покровительства животным требовало суда над полярниками. 6 июля 1958 года в городе Осака поставили мраморный памятник: «Пятнадцати лайкам, погибшим от голода в Антарктиде».

Через год японцы вернулись на станцию Сева. Радость и удивление! Навстречу вертолету, приветливо махая хвостами, бежали две лайки. Уцелевшие псы оборвали привязи, питались пингвинами. Ровно год собаки жили в Антарктиде без человека.

* * *

Пять собак живут в Мирном. Характеры разные, как у людей. Пожалуй, только Малыш и Мирный имеют сходство – оба глупы и трусливы. Дерутся по пустяку, а в большой драке ждут, когда окажется слабый, на него и кидаются. Оба ласковы и безобидны. Их терпят и даже любят. Считают: глупость с возрастом у собаки проходит. Ссылаются на Механика, который будто бы тоже не слыл Сократом.

– Механик!

Из-под снега вылетает здоровый пес, крутит хвостом, ждет мяса или хотя бы ласки. Механик не знает: его позвали для того, чтобы новый человек увидел собачью слабость.

– Волосан!

При этом слове Механик кидается в ближайшую щель. Через минуту он понимает, что обманули, – Волосана поблизости нет. Вылезает и понуро идет в домик к механикам. Это лучшее место в поселке. Под лестницей ворох пакли. Лежи, размышляй. Проходят пахнущие соляжкой люди, треплют загривок шершавыми пальцами. Тут всегда найдешь защиту от Волосана. Весь поселок души в Волосане не чает.

Сашка Дряхлов, радист с передающей станции, приходит обедать с жестяным ведерком. Ведерко для Волосана. Выйдет, приставит два пальца к губам. Свист. От домика с антеннами отрывается темная точка. Точка растет, растет и превращается в сильного и красивого Волосана. Последний прыжок через яму, и пес упирается в Сашкину грудь передними лапами.

– Волосан. Волосанчик...

Собака падает около ног. Катается по снегу, вьется вьюном от радости, лижет Сашкину драную куртку.

– Волосан! – пес прыгает через Сашкину руку. Прыгает столько раз, сколько Сашка захочет.

– Волосан. А ну покажи, как ораторы...

Прыжок на стул. Передние лапы – на спинку. Заливистый лай под хохот зрителей. Потом кто-то почти шепотом говорит:

– Механик!

Волосан поднимает шерсть на загривке, горящими глазами ищет Механика.

Два пса, непонятно по какой причине, смертельно враждуют. Механик при встречах прячется. А если не успевает: схватка – разнять невозможно. Не меньше как по десятку рубцов носят враги. У Механика сверх того порвано ухо. Вражда между собаками грозила перейти на механиков и радистов. Решили от греха Механика увезти. Его покровители загру-

стили. Но спорить не стали. С ближайшим самолетом собаку отправили на станцию «Молодежная». Осталось в поселке четыре пса: два молодых глупыша, Волосан и Старик.

* * *

Старика не увидишь в поселке. По причине преклонных лет и плохого здоровья определен сторожем на свинарник. Мудрый пес понимает: должность так, для отвода глаз – кто будет воровать свиней в Антарктиде! Но что делать. Покорно несет службу.

Очень стар. Глаза слезятся, голоса совсем нет. Брехнуть разок для порядка – и то сил не находится. Целый день лежит у двери свинарника. Тепло. Полная чашка еды. Глядит, как носится Волосан, как бегают два глупыша. Эх, сигануть бы по синим сугробам – болят кости... Эти трое, что они знают? Родились тут. В Антарктиде. Снег – он и есть снег. А Старик многое видел. Лобастая голова лежит на сильных когтистых лапах. Многое помнит лохматая голова! Люди вот приезжают и уезжают. Восемь лет – восемь экспедиций. Каждый год новые люди. А он все восемь лет непрерывно. Такого срока никто в Антарктиде, конечно, не был. Ни собаки, ни люди... И вот теперь в сторожах. А было время... А может, сон, может, такого в собачьей жизни и не было? Но как же не было! Этот рубец на правом бедре – это же в самолете схватка. Да-а... Какие псы были! Один остался от всей упряжки.

* * *

Родился Старик на Чукотке, в домике у охотника. Снег и лед с самого детства. Но там и лес был. Летишь в упряжке мимо темной лесной стены. Выстрелы. Пахучий костер. Оленье мясо. Сон на снегу – в пушистый хвост надо прятать нос от мороза. И снова бег по бугристой снежной земле. Крик: «Улю-лю-лю-лю!..» Он скоро нашел свое место в упряжке. Он был сильным и умным. Охотник быстро понял, кого будет слушать упряжка, и поставил Старика вожак. Тогда у него было другое имя. Какое? – теперь он не помнит. Он помнит: к охотнику пришел человек. Повесил около двери шубу с чужими и незнакомыми запахами. Долго горела лампа. Охотник не хотел продавать вожак – что охотник без хорошей собаки! Долго горела лампа. Гость положил на стол большую пачку бумажек. Охотник передал ему поводок.

После дороги по незнакомым местам вожак увидел стаю чужих, таких же рослых собак. Он и тут нашел себе место. Это стоило страшной раны около шеи. Но соперник остался лежать на снегу. А потом стаю посадили по лесенке к двери странного дома с отвратительным запахом. Рев. Первый раз вожак узнал тошноту. Потом прошло. Вся стая робко сидела возле окошек.

Каждый день на станции рабочий.

– Ах, какие умницы, сидят, как всю жизнь летали, – сказал молодой штурман и кинул крайней собаке юколу.

Откуда штурману было знать, что нельзя одной собаке бросать юколу. Полетела шерсть в самолете. Стая сваялась в один ком возле двери летчиков. Если бы не вожак, разметавший зубами озверевшую стаю, штурман не увидел бы больше своей невесты.

– Ах, какой молодец, старик. Молодец, – говорил штурман, поглаживая бледной рукой искусанного пса. С тех пор и появилось новое имя – Старик...

В Калининград привезли из Архангельска бородатого каюра. Он был самым знаменитым каюром на Севере. В «Огоньке» на обложке была его фотография. Семьдесят лет. Зубы целы все до единого. Шустрый. И голос такой, что шерсть поднимается на загривке:

– Улю-лю-лю-лю-ю-ю!..

Каюр сразу оценил Старика:

– Да, это собака...

Плыли на пароходе. Жара. Качка. Тысячи незнакомых запахов. А потом снег. Чужой снег. Ни одного следа – ни оленя, ни соболя... Антарктида.

* * *

Еду Старик у приносит всегда вовремя. Облизав чашку, он глядит в открытую дверь. Снизу ему видно пингвинью шкурку, которую банщик вывесил для просушки, видно край айсберга и синеватую гусеницу вездехода. Еда клонит ко сну. Старик кладет голову на передние лапы и закрывает глаза.

Вездеход оказался удобней собак. Это сразу поняли. Пятьдесят лаек оказались безработными в Антарктиде. Иногда только каюр выносил легкие нарты, и собаки везли гидрологов мерять лед. Однажды упряжка сорвалась с ледяного обрыва. Люди соскочили, собак и сани удержать было нельзя. Высота обрыва почти сорок метров – стая убавилась вполвину. Но работы и тридцати собакам не находилось. От безделья, понятное дело, начались шалости. Умный Старик сразу понял: пингвинов трогать не надо. А которые не поняли, тех давно уже нет. Остались только собаки, у которых была особая дружба с людьми. Прекрасные были псы! Старик всех помнит.

Взять хоть Пирата. Умница! В драке глаз потерял. Ну, за собачью честь можно и глаз потерять. Очень любили Пирата. Жил он постоянно в шестнадцатом доме, у механиков-авиаторов. Утром вездеход отправляется к самолетам – Пират сидит на первой скамейке. Самолет опустился – первым в двери залетает Пират. С полосы один не уйдет – только вместе со всеми. Бывают дни: люди идут, от усталости валятся. И пес еле стоит. В какой-то день комендант задержал Пирата в поселке. Прислали человека с аэродрома: «Давай Пирата – работа не клеится...»

Все понимал пес. Доктор Барашков однажды заметил клочья собачьей шерсти: «Это что? Чтоб следа собачьего не было в комнате!» А каково выпроваживать пса под лестницу, если мороз под сорок и ветер такой, что каждую шерстинку пересчитает. Жалели Пирата. Однако, упаси бог, доктор Барашков узнает – приговор такой же, как за пингвинов. Понял ситуацию пес. Заходил только ночью. Ляжет около двери, погреемся, а гимн заиграют, поднимается и тихо уходит.

Доктора Барашкова знали все до единой собаки. Выходит доктор из санчасти или поднимается по лестнице из столовой – псы врассыпную. Доктор был молодой, любопытный. Постигал науку. Интересно знать ему было, как собаки прижились в Антарктиде. Ловил и делал уколы. А кому, скажите, приятно укол получить?..

Когда авиаторы погрузились отправляться домой, Пират единственным глазом глядел на палубу корабля и первый раз за всю жизнь печально завыл.

Люди из новой экспедиции ласково к нему относились. Но пес заскучал, стал рассеянным и однажды в пургу не успел выскочить из-под гусениц вездехода.

* * *

Много было хороших псов. Старик всех пережил, потому что был самым сильным и самым умным. Теперь вот лежи, наблюдай, как ветер качает вонючую пингвинью шкуру, как носится Волосан по сугробам. Пытается поморника врасплох захватить. Пустое дело. Старик это понял в первый же год. С Волосаном, если бы сбросить годочков пять, Старик решил бы померяться силами. Теперь что ж – не обижает, и то хорошо. Умный пес Волосан. К человеку очень привязан, очень любит людей. Прежний хозяин – радист Андрей Арбузов – решил Волосана домой, в Ленинград, увезти. Поднялся на «Обь». В одной руке чемодан, в другой поводок. Попался на глаза капитану. Капитан сказал: нет! Оставил Андрей Волосана на верхней палубе, а сам потихоньку на «Эстонию» перебрался. Встревожился пес. Увидел

Андрея и, ни минуты не медля, со страшной высоты прыгнул на палубу стоявшей рядом «Эстонии», Андрей закрыл лицо рукою.

– Сашка, на тебя оставляю...

Сделали операцию. Сашка Дряхлов выходил пса. Теперь и Сашка домой собирается. Опять Волосану предстоит расставание...

* * *

Радисты в Мирном решили добыть Волосану подругу. Долго ломали голову над телеграммой к австралийцам на станцию Моусон: как переводится слово «подруга»? наконец нашли подходящее слово: «леди-дог».

Когда мы летели со станции «Молодежная» и сели заправиться на станции Моусон, австралийцы привели к самолету приземистую, очень спокойную «леди-дог».

– Зовут Мэнди. Родилась на острове вблизи Антарктиды. Надеемся, новое гражданство придется ей по душе...

В самолете Мэнди деловито обошла все сиденья, обнюхала наши промокшие сапоги, ящик с продуктами и принялась за кости, которые вынул из супа радист Соловьев Коля.

В Мирный пошла телеграмма: «Везем!» Сразу получили ответ: «Выходим встречать с Волосаном».

Тридцать пар глаз следили за этим знакомством. Мэнди прыгнула с лестницы и принялась обнюхивать лед. Глянула на великана, стоявшего рядом, и опять стала обнюхивать лед. Волосан растерянно махал хвостом и тоже принялся изучать лед. Потом Мэнди разыскала дорожку и побежала к поселку, будто всю жизнь бегала именно по этой дорожке. Волосан робко бежал чуть в стороне, не решаясь «заговорить» с незнакомкой.

На другой день Мэнди изучала поселок. Волосан по-прежнему бегал чуть сбоку. Мэнди спускалась по деревянным лестницам в домики. Волосан ждал наверху. Глупыши пожелали представиться «леди-догу». Обычно добродушный Волосан так рывкнул, что глупыши упали животами на снег. Конечно, Мэнди заглянула и на свинарник. Старик вскочил было приветствовать гостью. Но тут же улегся и положил голову на передние лапы. На его морде опять появилось философское выражение. А Мэнди и Волосан, учинив ревизию свиньям, побежали гонять поморников. Для влюбленных это, конечно, самое поэтичное дело – гонять поморников.

Сейчас в Мирном живут пять собак: два глупыша, Мэнди, Волосан и Старик.

Фото автора. 31 марта – 24 апреля 1964 г.

«Нептун» в гостях у «Комсомолки»

Первый раз «Нептуна» я увидел на космодроме. Босоногий старик в белой исподней рубахе с трезубцем в руках сидел верхом на Спутнике. Длинная борода путалась в звездах. На бумажном листе в полстены в шутливых рисунках уместилась космодромная жизнь за неделю. Валя Терешкова на высоких тоненьких каблуках, в громоздком скафандре стояла возле ракеты с букетом цветов. На космодромное поле вступал караван журналистов на ослах и верблюдах. Удивленные рыбаки-космонавты – вместо рыбы в невод попала бутылка грузинского «Цинандали»...

Позавчера я увидел рождение очередного «Нептуна». Космонавт Л. (он же художник, он же редактор) лежал на животе у большого листа бумаги. Днем космонавт крутился на центрифуге, решал задачи по математике. Теперь в руках были кисти. Сегодня праздничную газету повесят на стену. Космический центр, как всегда, на несколько минут забудет о срочных и неотложных делах. Смех, остроумные шутки над теми, кто попался на вилы бородатому старику. «Нептун» не взирает на звания и заслуги. Большие газеты летавшим в космос поют только славу, «Нептун» же может поддеть трезубцем. Допустим, ты лихо носишься на машине – сейчас же старик позовет к себе в гости. Хромает учеба, или «украсил» балкон велосипедом, или приземлился в болото на парашюте – пожалуйста к «Нептуну».

Много в газете просто веселых картинок. Вот «пришло пополнение» – девушки в скафандрах и модных плиссированных юбочках. Вот здоровяк голышом и в унтах. Это новичок в космоцентре. Унты ему так полюбились, что не может расстаться с обувкой даже в спортивном зале. «Нептун» смеется над сплеховавшим во время охоты. Охотник на дереве, а рогатый лось, завладев ружьем, сидит, скрестив ноги, под деревом. Двадцать семь «Нептунов». Вся жизнь космоцентра с первого дня появления там космонавтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.